

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№1 (5)

2017

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№1 (5)

2017

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2017, №1 (5)
Основан в 2016 г.

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам фронта. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский университет, Хайкоу (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», старший научный сотрудник ГБУК АО «Астраханский областной научно-методический центр народной культуры»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН

Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), профессор кафедры культурологии и социологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ).

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago.

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, University of Hawaii at Manoa; associate Editor «The Journal of World History»

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia.

Sunderland Willard, Ph.D. in History, Henry R. Winkler Professor of Modern History, Department of History, University of Cincinnati.

КОНТАКТЫ:

По издательским вопросам: Главный редактор журнала (Якушенков Сергей Николаевич)

Email: editorialboard.jsf@gmail.com

По организационным вопросам: Дирекция журнала (Топчиев Михаил Сергеевич)

Email: G.F.N@inbox.ru

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис. Фронтир. Наука».

Адрес: г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

Якушенков С.Н.

На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Часть 2.
..... 8

Бойденко С.В., Скиба К.В.

Инспекционная поездка поручика гвардейского генерального штаба
Д. А. Милютина за Кубань в декабре 1839 года.37

Зуенко И.Ю.

Бюрократия в условиях фронта: проблема эффективности
региональных властей в российско-китайских отношениях.....51

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФРОНТИР

Саракаева А.А.

«Разрушительница царств» и общество потребления. Образ Сиши в
современной китайской культуре.65

Саракаева Э.А.

Вино на острове Тайфунов: культура вина и винопития
Южнокитайского фронта93

CONTENT

RUSSIAN FRONTIER

Yakushenkov S.N.

Gloomy clouds cover the border - the stern land is enveloped in silence.

Part II.. 8

Boydenko S.V., Skiba K.V.

Inspection trip of the guard general staff lieutenant D. Milyutin across the Kuban river in december 1839.37

Zuenko I.Yu.

Bureaucracy at frontier: the problem of regional governments’

effectiveness in sino-russian relations51

FOREIGN FRONTIER

Sarakaeva A.A.

«The destroyer of kingdoms» and the consumer society. Xishi’s image and its functions in the present-day Chinese culture.....65

Sarakaeva E.A.

Wine on the island of typhoons: culture of wine and wine drinking in a southern chinese frontier93

НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО, КРАЙ СУРОВЫЙ ТИШИНОЙ ОБЪЯТ¹. ЧАСТЬ 2.

Якушенков С.Н.

Якушенков Сергей Николаевич, Астраханский государственный
университет, Астрахань, 414056, ул. Татищева 20А.
E-mail: shuilong@mail.ru

Статья является продолжением анализа восприятия пространства в русской культуре. Основное внимание в первой части было уделено восприятию фронтирного пространства, порождающего у субъекта неуверенность, грусть, тоску, сменяющиеся бунтом, агрессией, стремлением покинуть не желаемое пространство. Все это нашло свое отражением в своеобразных литаниях, в которых герой рассказывает свою печальную судьбу. Во второй части уделено внимание иной парадигме восприятия фронтирного пространства, порожденной официальной пропагандой в СССР, направленной на создание позитивного настроения к освоению новых земель. Хотя истоки этого следует искать еще в 30-х гг. XX в., особенно ярко это проявилось в 60-е гг.. Активное освоение Сибири, целинных земель Казахстана требовало участия больших масс населения в этих масштабных мероприятиях. Пафос освоения новых земель нашел свое отражение во всех направлениях художественной культуры, что в свою очередь, порождало горячий отклик в умах советского человека, готового по призыву сердца, да и правительства, отправиться в далекие края, терпеть невзгоды, но творить новое светлое будущее. В советском дискурсе, посвященном освоению фронтирного пространства, ярко проявились два мотива: романтизм первопроходца (геолога, полярника, исследователя новых земель) и величие созидательного труда по возведению нового идеального города. При этом следует учитывать, что второй мотив является своеобразным продолжением библейской традиции, связанной со стремлением «воссоздания» идеального города – «Нового Иерусалима», «города-сада». И хотя часть произведений с подобной тематикой являлась своеобразным госзаказом, в них было мало фальши, так как создавали их творцы, которые сами оказывались носителями подобных идей. Они находили отклик у широких масс населения, в котором подобные идеи не утратили

¹ Статья написана при поддержке фонда РФФИ 15-33-11172 «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

свою актуальность, несмотря на замещение религиозных идей социально-политическими конструктами эпохи социализма.

Ключевые слова: фронтир, топос, локус, восприятие пространства, Сибирь, город-сад, романтика освоения, стройки социализма, утопия, топофилия.

В предыдущей статье (Якушенков, 2016) мы попытались выявить ряд моментов в восприятии топоса, для которых были характерны мотивы исхода из «чужого» пространства, смерти на Чужбине. Все это находило свое отражение в поэтике ламентации и литании, выражавшиеся в жалобе на свою судьбу. Большие открытые пространства казались субъекту ламентации чуждыми, угрожающими его жизни. Как правило, в них доминировали топофобные настроения, в них не находил «своего места» локус. Локус, хотя порой и обозначался, но располагался в неопределенном топосе – где-то там, в нем не было географической привязки.

Наименование локуса служило лишь направлением, указанием на отдаленность и бескрайность локуса. Гетеротопия этого пространства маркировалась «неполными локусами». Этим термином мы назвали такие локусы, которые лишь указывают направление движения, в этих локусах нет действия как такового, действие может происходить в любом месте пространства. Достаточно вспомнить известное «По тундре, по железной дороге, // Где курсирует поезд «Воркута-Ленинград» или схожую ироничный рассказ В. Высоцкого:

«И вот по тундре мы, как сиротиночки,

Не по дороге все, а по тропиночке.

Куда мы шли – в Москву или в Монголию, –

Он знать не знал, паскуда,

я – тем более».

Есть соблазн соотнести подобные локусы с неопределенным «ou-topos'ом», т.е. пространством «нигде»: «у чёрта на куличиках», «у чёрта на рогах», «куда Макар телят не гонял», да и более архаичные – «за тридевять земель, в тридесятом царстве». Однако, как нам кажется, неполый локус все же указывает нам на некое пространство, которое существует, у которого есть границы, по крайней мере имеются географические ориентиры. Пространство «куда Макар телят не гонял» как бы не существует, в то время как

железнодорожный путь, пролегающий между Воркутой и Ленинградом, весьма конкретен, он обозначает огромное пространство страны, в которой и разворачивается драматическое действие побега. Есть и более детальные указания происходящего – «по тундре», что в более определенной форме указывает на топос, но локус в данном варианте так и остается неопределенным. Границы этого локуса размыты, в него могут быть включены самые разнообразные пространства. Очень интересна завязка к одному из первых советских фильмов, посвященных фронтирной тематике, «Аэрограда»¹. Текст фильма поясняет, где происходит действие фильма: «Между Беринговым морем, где гуляют льды и эскадры наших китов, и устьем сверхреки Амура, у берегов Японского моря. Укорачивается Старый Свет и суживается Великий Океан». Правда, затем текст уточняет, что действие все же происходит на Амурской границе, через которую диверсанты несут динамит, замыслив недоброе. Указания на Берингово море, «сверхреку» Амур, Японское море призваны внушить зрителю масштабность этого локуса, перерастающего в топос. Масштабность его подчеркивается и кадрами фильма, в которых показывается бушующее море, многочисленные самолеты, летящие по небу и т.д. Мы еще вернемся к этому фильму, здесь мы лишь хотели подчеркнуть, что традиция указания на неполный локус характерна не только для народных текстов, но и для «официальных» художественных произведений. Локус и в подобных произведениях может служить лишь символом, указывающим путь. Он находится вне географии, важнее лишь само движение в его пределах:

«А река бежит, зовёт куда-то,

Плывут сибирские девчата

Навстречу утренней заре

По Ангаре, по Ангаре» (Гребенников & Добронравов, стр. 7-8).

С формальной точки зрения, пароход не мог двигаться по Ангаре, т.к. движение по р. Ангара происходит на Север, а затем река резко поворачивает на Запад. Реальное пространство уступает символическому, и даже мифологическому (сказочному). Конечно, невозможно требовать от поэтического произведения точной передачи пространственной привязки. Однако, Гребенников и

¹ «Аэроград», фильм А.П. Довженко, 1935 г.

Добронравов в своем описании ангарского путешествия настаивают на том, что в основу песни легли реальные впечатления от пережитого на палубе парохода, идущего по Ангаре: «С верхней палубы парохода всю ночь неслись звуки баяна. Девчонки, те самые девчонки, которых... уже «околдовала Ангара», танцевали, танцевали почти до самого рассвета. А звезды, огромные сибирские звезды, заглядываясь на девчат, срывались с неба и падали, казалось, прямо на корму» (стр. 7).

Движение парохода по могучей сибирской реке, самозабвенный танец девушек, величие природы – все это вызывает патетический восторг у поэтов, воспринимающих все происходящее как движение к новой жизни, символом которой выступает восход солнца. Ю. Лотман говорит по этому поводу, что «внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации – разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих, указывающих, то есть имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя. При этом разные языки, заполняющие семиосферу... выделяют во внележащей реальности различное. Появляющаяся таким образом стереоскопическая картина присваивает себе право говорить от имени культуры в целом. Одновременно, при всем различии субструктур семиосферы, они организованы в общей системе координат: на временной оси – прошедшее, настоящее, будущее, на пространственной – внутреннее пространство, внешнее и граница между ними. По этой системе координат перекодируется и внесемиотическая реальность – ее пространство и время – для того, чтобы она сделалась «семиотизабельной», способной стать содержанием семиотического текста» (Лотман, стр. 259). В этой картине мира реальное расположение восхода не имеет значения, важнее тот факт, что на символическом уровне девушки как бы двигаются из прошлого (ночи) в будущее (восход).

Субъект, вне зависимости от своей социальной принадлежности, оказывается, как бы, в оторопи перед огромным пространством, открывающимся ему. Но эта оторопь может привести его либо к восторженному восхищению, либо к растерянности и даже страху. И если в первой части нашей работы свое основное внимание мы уделили состоянию неуверенности, растерянности, нередко отторжению чуждого пространства, то в этой части мы попытаемся

проанализировать вторую модель. И хотя во многом она была инспирирована официальной пропагандой, да и подпитывалась ей, мы не склонны видеть во всех ее проявлениях лишь фальшь. Как нам кажется, официальная пропаганда лишь использовала то, уже имеющееся настроение энтузиазма, порожденное верой в возможность построения нового общества, созидательную силу советского человека, и особенно молодых людей.

«Здесь будет город-сад» – новое восприятие сибирского фронта

Не следует забывать, что обе указанные выше тенденции восприятия фронтального пространства являются универсальными. Мы легко обнаруживаем их во множестве других фронтальных пространств Америки, Африки, Австралии и т. д.. Нередко дихотомия восприятия фронтального пространства проходит в тропях «дикая опасная страна» / «страна обетованная». Мы уже писали в предыдущей части статьи о поисках рая в Сибири в XIX в. (стр. 15-16). Попытки реализовать утопические идеи создания на фронтальной территории идеального общества предпринимались самыми различными религиозными организациями как в России, так и по всему миру. Эти попытки широко известны, и мы не будем подробно на них останавливаться. Заметим только, что сам «проект» пуританской Америки во многом был продиктован таким посылом, начавшимся с известной проповеди одного из отцов основателей колонии Массачусетс Джона Уинтропа, прочитанной в 1630 г. на борту судна Арабелла (Арбелла)¹, доставлявшего очередную партию колонистов к берегам Америки. Эта проповедь вошла в историю под названием «Образец христианского милосердия»². В основу этой проповеди легла 5 глава Евангелия от Матфея, в которой Иисус постулирует основные поведенческие принципы христианина. Уинтроп, опираясь на свое видение Нагорной проповеди Христа, заявляет, что колонисты должны стать примером для других, ведь Христос говорил: «Вы – свет мира. Не может укрыться город,

¹ Хотя общепринятая версия гласит, что проповедь была прочитана на борту Арабеллы, есть и две других версии, согласно первой, проповедь был прочитана во время прощального обеда перед отплытием, а другая, что Уинтроп прочитал ее сразу же после прибытия в Новую Англию.

² Model of Christian Charity

стоящий на верху горы» (Матфей 5 : 14). Поэтому колонисты обязаны быть сплоченным сообществом, в котором все действуют в согласии с доктринами бога: «Мы должны понимать, что мы будем, как город на горе. Глаза всех людей обращены на нас» (Smith, 1973, р. 6). Поэтому пуритане должны были нести братскую любовь, милосердие (отсюда и название этой проповеди), сострадание и уважение ко всем людям. Им предстояло создать новое общество, в котором засияет ослепительным светом их вера в бога.

Таким образом метафора «города на горе» оказывается не только метафорой пуританской общины Новой Англии, но и метафорой идеального города, созданного в Новом мире.

Схожая метафора «идеального города» появляется в конце 20-х гг. и в СССР. Неудивительно, что связана она не только со строительством новой жизни, но и освоением фронтальных территорий. Именно там коммунистам предстояло создать новое общество. Одним из первых, кто использовал метафору «идеального города» как символа победы светлого будущего, был В. Маяковский. В 1929 г. он пишет стихотворение «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» (Маяковский, стр. 129-131), в котором рефреном повторяется фраза про «город-сад». В стихотворении, написанном Маяковским после рассказа его знакомого Хренова, лично побывавшем на строительстве металлургического комбината, поэт описывает мечту рабочих о создании уникального города будущего. Удивительно, что в стихотворении мы не находим трудовых подвигов рабочих, зато есть красочное описание трудных условий их жизни:

«По небу
 тучи бегают,
дождями
 сумрак сжат,
под старую
 телегою
рабочие лежат» (стр. 128).
«Свела
 промозглость
 корчею –
неважный
 мокр

уют,
сидят
впотьмах
рабочие,
подмокший
хлеб жуют.
Но шепот
громче голода
он кроет
капель спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»» (стр. 129).

Это пророческое предсказание разворачивается в виде яркого описания борьбы человека с суровой природой:

«Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
И взроет
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».
Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга» (стр. 129-130).

Хотя напрямую метафора города-сада и не связана с идеями Дж. Уинтропа, однако, косвенно она во многом восходит к идее идеального города-рая, зародившейся в Новой Англии. Сложно сказать, известна ли была В. Маяковскому идея города-сада, или она была поведена ему его другом Я. Хреновым, но сама стройка нового металлургического гиганта начиналась на месте поселка, носящего название Сад-город. Этот поселок был заложен в 19014 г. русско-французским акционерным обществом «Копикуз» (Кузнецкие каменноугольные копи), образованным незадолго до этого. Акционерное общество вынашивало далеко идущие планы, намереваясь превратить Кузнецк в крупный промышленный центр Западной Сибири.

В основу поселка Сад-город была положена идея английского социалиста утописта Эбенизера Говарда (1850-1928), которая собственно и обозначалась термином Город-сад. В двадцатилетнем возрасте молодой Говард отправляется в США, где намеревается заняться фермерством, но трудная жизнь фермера в Небраске не приносит удовлетворения молодому человеку, плохо знакомому с сельскохозяйственным трудом, поэтому он перебирается в Чикаго, где начинает работать журналистом. Именно в этот период он знакомится с Ральфом Уальдо Эмерсоном, знаменитым писателем и социальным философом, одним из основоположников трансцендентализма. Именно под влиянием таких философов как Уальдо Эмерсон и Генри Дэвид Торо формируется интерес к переустройству общества, тем более, что они не только пропагандировали новые идеи, но и пытались реализовать их на практике. Огромное влияние на Говарда оказала и утопия английского врача Бенджамина Уорда Ричардсона (Benjamin Ward Richardson) «Гигея: город здоровья» (Richardson, 1876), в которой он изложил основные принципы здорового города. Помимо этих идей,

огромное влияние на Говарда оказали и социалистические идеи, особенно Фабианское общество и Герберт Спенсер. Некоторое время находился он и под влиянием идей Кропоткина.

Английский исследователь Роберт Биверс полагает также, что большое влияние на Говарда оказала городская среда Чикаго, выгодно отличавшаяся от других американских и английских городов, и особенно Лондона. После пожара 1871 г. город был перестроен, в нем было заложено множество парков, и современникам Чикаго был известен как город-сад (1988, р. 7).

По мнению этого же исследователя, на общее представление Говарда об идеальном городе повлияли и религиозные идеи. Это заметно хотя бы по тому, что эпиграфом для своей книги (*To-morrow: A Peaceful Path to Real Reform*, 1898) он взял поэму американца Джеймса Расселла Лоуэлла (1819-1891) «Кризис нашего времени», в котором постоянно упоминается корабль пилигримов «Мэйфлауэр», место высадки колонистов Плимутский камень, к которому, по преданию, причалили отцы-пилигримы (1903, pp. 76-78). Да и первая лекция, которую он прочитал после выхода своей книги, была в унитарианской церкви. Говард мечтал об особом городе, в котором его жители будут объединены духом христианской любви, гармоничного существования, взаимопомощи, совместно противостоя капиталистическим ценностям стяжательства, духу потребительства и т.д.

Талантливому утописту удалось не только увлечь сотни тысяч последователей во многих странах мира, но и, в некотором роде, воплотить свою мечту в жизнь в 1902 г. небольшом английском городишке Лечворсе.

В начале XX в. идеи Говарда о городе-саде добрались и до России, найдя здесь благодатную почву. Следует отметить, что в России делались и свои попытки создания нового общества с новой урбанистической средой. Поэтому оригинальная концепция градостроительства английского утописта пришлась по душе многим прогрессивным россиянам, видевшим в ней возможность мирного переустройства общества. И хотя первый перевод книги (Гоуард, 1911) был осуществлен лишь в 1911 г. А.Ю. Блохом, побывавшим лично в городе-саде в Англии, где он ознакомился с реальной жизнью нового общества, очень многие россияне были знакомы с идеями Говарда по английским и немецким переводам. Одним из

подобных популяризаторов городов-садов был инженер, профессор Рижского Политехнического Института, А.К. Енш, регулярно печатавшийся в журнале «Зодчий» с обзором новостей по реализации движения Говарда (1910).

По всей России создавались общества последователей Говарда. В 1912 г. подобное общество было создано в Москве, а на следующий год в Петербурге. Именно в этих городах предпринимаются первые попытки создания подобных поселений. Однако, наибольшее распространение эти идеи получают на фронтирных территориях по всей России, и особенно в Сибири.

Особую популярность идеи Говарда получили среди руководства железных дорог, так как в России сеть железнодорожных путей росла с каждым днем, и подобная практика создания железнодорожных поселений-колоний для железнодорожных рабочих отвечала нуждам Министерства путей сообщения. В 1916 г. оно «принимает решение о строительстве поселков-садов для железнодорожных чинов Омской и Томской железных дорог в Сибири, а также Николаевской железной дороги под Петербургом и Москвой» (Меерович, 2005, стр. 128). Но не только железнодорожные службы оказались идеологическими застройщиками новой концепции градостроения. Идея города, в котором размыта грань между человеком и природной средой нашла воплощения в самых различных формах: поселения-сада, хутора-сада и т.д. Идея нового города пришлась так по вкусу градостроителям, что она стала воплощаться и на Дальнем Востоке, не только на территории России, но и вдоль КВЖД. По принципу города-сада были построены российско-китайские города, находящиеся в концессии КВЖД Харбин, Дальний и Порт-Артур (Корчагина, 2016). Конечно, легко понять то, что именно железнодорожники проявили наибольшую активность в этом вопросе. Здесь, как нам кажется, проявился передовой характер самой отрасли, ее ориентированность в будущее, связь с европейской системой образования, да и в целом высокий уровень образованности. Сказался и тот факт, что железнодорожные инженеры и архитекторы строили свои поселения на новых землях.

Но не только железнодорожники так активно проявляли себя. Там, где создавалась возможность для новой застройки, нередко возникали города-сады. После того, как в 1917 г. пожаром было

уничтожено около 1000 строений, гражданский инженер И.Ф. Носович разработал проект, в основу которого была положена концепция города-сада. Правда, в процессе строительства большинство норм данного проекта так и не были соблюдены в силу самых различных причин (Конышева, 2011).

О том, что идея города-сада очень хорошо подходила для освоения новых земель, говорил еще в 1910 г. гражданский инженер А.К. Енш: «Конечная цель разрастающегося движения в пользу городов-садов сводится к внутренней колонизации, которая стремится уничтожить тесноту больших городов, вызывающую усиленную заболеваемость и смертность, а также дороговизну квартир, и достигнуть децентрализацию промышленности и более равномерного распределения ее по стране... Подобные поселения сделают жизнь, особенно бедного люда, более здоровой и приятной, так как всем известно, какое благотворное влияние на самочувствие человека имеет чистое, спокойное, просторное и удобное жилище» (Енш, стр. 4)

Но вернемся к самой идее города-сада. Как нам кажется, хотя она и подогревалась различными социалистическими идеями по созданию нового общества, во многом она подпитывалась и протестантской этикой, носителем которой несомненно был Э. Говард. Его связь с церковью проявилась во многих моментах, заметна она и в самом его произведении, изобилующем различными отсылками к религиозным символам.

Идея идеального города-сада, являвшегося символом земного рая была характерна для многих протестантов деноминаций в США в самые различные периоды. Но своеобразной кульминацией этого стремления мы находим в деятельности любителя-садовода Джона Чэпмена (1774-1845), прозванного его современниками Джонни Яблочное-зернышко (Johnny Appleseed). Он прославился тем, что везде сажал яблоневые питомники, а саженцы из них дарил или продавал за бесценок переселенцам. Он постоянно двигался все дальше на Запад, закладывая все новые и новые яблоневые питомники. Будучи последователем знаменитого европейского мистика Эммануила Сведенборга и членом церкви Нового Иерусалима, Джон Чэпмэн мечтал о создании аналога рая на Земле. Однако, поведение его во многом не вписывалось в привычный образ последователя протестантизма или какого-то нового сектантского

направления. Он часто жил в лесу, ходил босиком даже зимой, нередко ему приходилось спать прямо на снегу, носил простую одежду, на голове меховая шапка или вообще глиняный горшок для приготовления еды. Он также проповедовал братское отношение ко всем людям, нестяжательство, трезвость, но и призывал к гуманному отношению к животным и растениям (Knapp, 1863, стр. 27-38), (Graham, 1880, pp. 269-271), (Hillis, 1904), (Price, 1939), (Means, 2012).

Основная территория деятельности Джонни Яблоневого-зернышко был Средний Запад, в основном Огайо, но нередко заходил он и на территорию штата Иллинойс, столицей которого является Чикаго.

Приведя пример с Джоном Чэпменом, мы хотели показать, что в действиях и упомянутого персонажа, и Э. Говарда много общего: прежде всего стремление изменить окружающий мир путем созидательного труда на благо общества, превратив его в цветущий сад. При этом человек выступает в подобных проектах важной созидательной силой, обустроивающий и переустраивающий дикую природу, облагораживая ее. Фронтирная территория как нельзя лучше отвечала этим задачам. Хотя, как легко вспомнить из истории СССР, идея активного переустройства мира не сводилась лишь к фронтирным территориям. И здесь уместно вспомнить мичуринскую сентенцию, о том, что «нельзя ждать милости от природы, взять их у нее – наша задача» (Мичурин, 1950, стр. 10).

«От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей,
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей...»

Так пелось в известной советской песне 1936 г. «Широка страна моя родная», написанной В. Лебедевым-Кумачом и И. Дунаевским. Этот лейтмотив человека-хозяина, идущего созидательной поступью по бескрайним просторам своего социалистического отечества надолго стал основным в советском дискурсе. К нему неоднократно будут обращаться поэты-песенники и в 60-70-е гг., формируя новое отношение к фронтирному пространству:

«Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца допеть.

В дальний путь собрались мы,
А в этот край таёжный
Только самолётом можно долететь.

А ты улетающий вдаль самолёт
В сердце своём сбереги,
Под крылом самолета о чём-то поёт
Зелёное море тайги.
Под крылом самолета о чём-то поёт
Зелёное море тайги.

Лётчик над тайгою точный курс найдёт,
Прямо на поляну посадит самолет,
Выйдет в незнакомый мир, ступая по-хозяйски,
В общем-то зелёный молодой народ» (Гребенников & Добронравов, стр. 161-162).

Эта фраза про молодого человека, ступающего по-хозяйски в незнакомый мир, оказывается ключевой для целой эпохи освоения Сибири:

«Там веками ветры да снега мели,
Там совсем недавно геологи прошли.
Будем жить в посёлке мы пока что небогатом,
Чтобы все богатства взять из-под земли.

Мчатся самолеты выше облаков,
Мчатся, чуть похожие на больших орлов,
Мчатся над тобой они, а знаешь, дорогая,
Лету к нам в Таёжный несколько часов» (Там же, стр. 162).

Конечно, не следует забывать, что многие из подобных текстов писались по заданию партии, и вместе с тем, они были навеяны всеобщим энтузиазмом эпохи созидателей, которыми руководила мечта создания нового мира в этих глухих местах. Как мы видели, частично эти идеи были продолжением еще дореволюционных идей преобразования мира, но в 30-е годы они получили еще дополнительный мощный импульс от государства, всячески поддерживающего эти идеи.

Мы уже упоминали фильм «Аэроград» (1936), представляющий своеобразную мечту советского человека о

создании в далеких землях нового города будущего. Вокруг только суровая природа и враги молодого государства (староверы, белогвардейцы и японские шпионы), но вера в светлое будущее, молодых людей, несущих на край земли прогресс и социалистические идеи, поможет построить новый город авиаторов. Как нам кажется, неслучайно именно авиаторы оказались тем новым актором, способным претворять мечту в жизнь. Как еще раньше железнодорожные рабочие были субъектами новых идей, так и сейчас именно авиаторы, молодые летчики оказываются в центре общественного романтического дискурса, посвященного фронтирному подвигу. Правда, фронтирное пространство оказывается всего лишь фоном, на котором и разворачивается борьба молодого поколения с трудностями. И в этом плане новое восприятие фронтирного пространства кардинальным образом отличается от той модели, которую мы описали в первой части статьи. Теперь дискурс наполнен красотой новых земель, тайги, могучих сибирских рек. Особенно это ярко проявилось в 60-е гг., т.к. в наибольшей степени отвечало романтическому настрою молодых людей, отправляющихся в новые земли и уверенные в красоте просторов Советской отчизны. И здесь этот новый дискурс оказывается «разорванным» между старыми парадигмами опасностей далекого пространства, невероятных трудностей, которые подкарауливают покорителя Сибири, и романтизмом созидательной жизни. Однако, именно прогрессивная мощь новой власти, выраженная в авиации, максимально успешно продемонстрирована в фильме. Авиатехника буквально гипнотизирует зрителя, мощные самолеты стремительно взмывают в высь, намекая на неумолимое движение страны Советов в светлое будущее. Но теперь здесь уже технократическая модель города будущего. В нем нет гармонии природы и технического прогресса. Дикая природа далекой земли отступает под натиском нового человека.

Но вера в город-сад никуда не делась, хотя в 30-е гг. о нем немного забыли. Кузнецкстрой оказался сложнейшим актом героизма, преодоления невероятных трудностей, в котором уже не было времени мечтать, «сидя под проливным дождем под старой телегой», как об этом писал В. Маяковский. Эти тяжелые будни вытесняют все, здесь нет пространства как такого, нет природного ландшафта, есть лишь пространство стройки, наполненное стуком,

скрежетом металла, криками рабочих, грохотом тяжелых машин. Очень хорошо это отразилось в стихотворении 1931 г. сибирской поэтессы Беллы Евсиевич «Кузнецкстрой ночью»:

«Ночь на Кузстрое – это не ночь!
Разве можно уснуть в трудовых окопах?
Не согнать ей синей прохладой прочь
Крупный пот землекопа.
Приходит со скиповой вечером,
После кирки стучат топоры.
Только вздрагивает изувеченная
Зеленая грудь горы.
Да, Кузстрой и ночью поет.
Только звуки сильнее и чище!
В них вплетает мотор свое
Токающее голощище...

...Визг и треск,
треск и визг,
Грохот рубильного молота.
Вниз и вверх,
вверх и вниз
Воздуха сильного волны.
Режут железо, рубят обух,
Быстро, легко и просто.
Слово расслышать
тужится слух
На гремящем мосту Стальмоста
«Эй, заклепок, заклепок, браток!
Давай,
подавай,
пошевеливай!»» (Евсиевич, 1931).

В сибирской прессе 30-х гг. уже редко кто вспоминал про город-сад. У строителей Кузнецкстроя стояли другие задачи: «Ртуть в термометрах спряталась. Пятидесятисемиградусный мороз матовыми стеклами тумана загородил каупера, домны, трубы, тепляки. Трещит земля.

К ночи мороз плотнее наваливается на стройку. Тишина. Уличные открытые работы и работы вверху на сборке кауперов и

домен прекращены. Не слышно обычного грохота и трескотни пневматических сверл. С непривычки как-то не по себе, чего-то не хватает, словно во время полета на аэроплане мотор вдруг выключили и стало тихо. Не по себе было в эти лютые морозы на площадке Кузнецстоя» (Мрачковский, стр. 79). Вся статья Мрачковского – это перечисление трудностей, которые испытывает Кузнецкстрой, в ней нет мечты, нет полета фантазии. Этой мечте некуда стремиться, у ней нет пространства для полета. В конце 20-х гг. идеи города-сада были сведены на нет, так как сам принцип индивидуального проживания участников этого социального проекта противоречил целям идеологического воспитания масс. Поэтому город-сад объявлялся врагом государства (Меерович, 2007, стр. 154). По мнению некоторых экономистов того времени, забота о здоровье и гигиене трудящихся (о чем настаивал Э. Говард), озеленение окружающих заводы территорий представляют собой интеллигентской маниловщиной (Косенкова, стр. 16). Когда В. Маяковский упоминал город-сад, вряд ли на самом Кузнецкстрое эта мечта была уж столь актуальной. Она уже существовала в большей степени как символ, а не как реальный проект, к которому стремились.

Правда, если о проекте и забыли, то о самом символе – городе-саде в далекой холодной Сибири никто не забыл. В 60-е гг. XX в. понадобился новый подъем созидательного героизма, и об идее сада-города вновь заговорили. Правда, нередко это был, выражаясь современным языком, всего лишь мем. Статья журналиста 1960 г. Станислава Куняева, опубликованная в журнале «Сибирские огни» вновь намекает на строительство города-сада, но уже в Тайшете. Она так и озаглавлена: «Здесь будет город-сад» с подзаголовком «Что происходит сейчас в Тайшете». Однако, как легко догадаться, там нет ни слова об этом проекте, лишь последняя строчка, являющаяся цитатой из В. Маяковского, вновь возвращает нас к этой теме. Все содержание статьи – пересказ будней стройки, точнее ее подготовительного этапа. И вновь описание энтузиазма строителей, сложности жизни. Отличие от предыдущих очерков по Кузнецкстрою лишь в том, что теперь одним из часто упоминаемых героев оказывается молодая женщина. Именно она оказывается одним из главных персонажей нового образа Сибири: «Шумно и в конторе «Фундаментпроекта». Здесь много девушек – Тоня Александрова,

Люся Райкова, Тамара Болотникова. Все москвички. Трещать арифмометры, мелькают в быстрых руках логарифмические линейки, – идет камеральная обработка материалов» (Куняев, стр. 131).

Женские образы – новое явление сибирских текстов. Здесь уместно заметить, что Е. Евтушенко в своей известной поэме «Братская ГЭС», создававшейся в начале 60-х гг., центральным героем сделал женщину – Нюшку Буртову, которая конечно является собирательным образом женщины – строительницы нового мира. Появляются там и другие женские образы (Сонька, Тамарка).

Мы уже писали, что практически уже первая песня сибирского цикла С. Гребенникова и Н. Добронравова была посвящена сибирским девушкам. В описании своей песенной экспедиции по Сибири они не раз останавливались на этой теме. Образ девушки-сибирячки, живущей на речке Бирюса стал центральным в 62-63 гг. и для песен Л. Ошанина:

«Не берёзку, не осинку,
Не кедровую тайгу,
А девчонку-бирюсинку
Позабыть я не могу.
С ружьем уйдет под вечер,
Не найдёшь четыре дня.
Может, в лося выстрел метил,
А ударил он в меня.

Пусть красивы городские -
У нее глаза синей,
Городские не такие,
Если сердце тянет к ней...
Перед этим синим взором
Я как парус на волне.
То ль её везти мне в город,
То ль в тайге остаться мне..?» «Бирюсинка», 1962, (Крюков & Шведов, стр. 328-329).

Написал Л. Ошанин и песню от лица этой самой Бирюсинки:
«Я тебя не ждала, не искала,
В бирюсинские дали маня.
На обросших смородиной скалах
Ненароком ты встретил меня.

Ты привык ко всему городскому,
Что тебе в нашей дикой красе?
Может, вдруг станет скучно такому
На дремучей реке Бирюсе.

Вот опять тянет медом с верховий,
Влажный ветер зовет меня в путь.
Почему ж твои рыжие брови
В эту ночь не дают мне уснуть...
В эту ночь, может, кажешься мне ты
Самым главным в девичьей судьбе.
Я боюсь, что случайно об этом

Бирюса разболтает тебе» «Таёжный вальс», 1963 (Там же, стр. 330-331).

Конечно, образы женщины-сибирячки или женщины, приехавшей на поколение Сибири, неслучайно появлялись в новых текстах. Они помогали создавать новый образ этой территории, притягательный для молодого поколения. Они как бы намекали, что здесь молодой человек не только сможет героически проявить себя, но и найти свою любовь:

«Ведут пути сибирские
И к счастью и к удаче,
Нигде девчат, наверно, нет

Таких, как сибирячки!» (Гребенников & Добронравов, стр. 142)

Тема любви и дальних мест в разных вариантах становится центральной для многих поэтических и прозаических текстов. Все это не могло не оказывать огромного влияния на молодое поколение советской молодежи, мечтавший о геройстве, покорении новых земель и романтической встречи с любимым человеком где-то там в далеких землях бескрайней Родины. В 60-е гг. появилось целое поколение, для которого дальние поездки, альпинизм, туризм и т.д. превратились не только в хобби, но и стали смыслом жизни. Это было действительно фронтирное поколение, которое было увлечено мощным потоком, заполнявшим все больших самые удаленные уголки СССР. Конечно, началось это еще в середине 50-х гг. с проектом освоения целинных земель, но именно в середине 60-х тема освоения новых земель становится центральной в поэтическом нарративе

СССР. Песня И. Сидорова «Люди идут по свету» (1962) оказывается своеобразным гимном нового поколения:

«Люди идут по свету...
Им вроде немного надо –
Была бы прочна палатка,
Да был бы не скучен путь!

Выверен старый компас,
Получены карты и сроки,
Выштопан на штормовке
Лавины предательский след.
Счастлив, кому знакомо
Щемящее чувство дороги.
Ветер рвет горизонты

И раздувает рассвет» (Семеро у костра : (сборник бардовских лирических песен), стр. 61).

Все это даже порождает и новые жанры (песня-репортаж) и новое направление – авторская или бардовская песня, основной темой которых были походы, дальние тропы, трудности и опасности пути и т.д..

И здесь мы вновь встречаемся со старым парадоксом типологической схожести американского и российско-советского фронтиров. Как бы ни казалось, у советского и американского фронтирных дискурсов есть мало что общего. И вместе с тем, детальное сравнение даже светского фронтирного дискурса показывает множество типологически близких элементов. Правда, в отдельных случаях это сходство возникает в результате прямых заимствований. К сожалению, в отечественной историографии этот вопрос еще не до конца изучен. Типичным примером подобных заимствований может служить плакат 1934 г. П. Соколова-Скаля «Челюскинцам и спасшим их героическим летчикам пламенный пролетарский привет!» (рис. 1) (Снопков, Снопков, & Шкляр, стр. 36), структурно повторяющий известную картину американского художника XIX в. Эмануэля Лойце (1816-1868) «На Запад устремляется империя» («Westward the course of empire takes its way») (1861).

Однако, намного чаще встречаются параллели, возникающие из-за схожести переживаний акторов фронтирных процессов, от

общего ощущения важности момента. Подобные аналогии можно заметить и в императиве многих поэтических текстов, посвященных фронтирной тематике. Все это порой немного напоминает уже упомянутую проповедь Джона Уинтропа, в которой он намекает пуританам об их исключительности и важности их предназначения. Здесь мы видим то же самое:

«Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца допеть.
В дальний путь собрались мы,
А в этот край таёжный
Только самолётом можно долететь»

Или

«Будь товарищ вечно в движеньи!
Пусть не гаснет твоя звезда,
Пусть не терпят у нас крушенья,
Ни надежды, ни поезда!

Будь товарищ вечно в движеньи!» (Гребенников & Добронравов, стр. 112).

Гребенникову и Добронравову вторит и Ю. Визбор: «Главное – идти по земле, видеть людей, пожимать им руки, калякать о том о сем» (Визбор, 2012).

Жизнь такого человека, по мнению С. Гребенникова и Н. Добронравова, превращается в эталонную:

«Так уж вышло, что наша мечта
На плакат из палаток взята,
С нас почти исторический пишут портрет,
Только это, друзья, суэта» (Прощание с Братском, 1968).

С этими строчками прославленных поэтов нельзя не согласиться. Этот процесс и главные его герои действительно и составляли исторический портрет эпохи. Они придумывали мифы и старались претворить их в жизнь.

Во многом эта мифологическая парадигма продолжала существовать в традиционной мессианской модели нового идеального города, создав. И хотя в 50-60-х гг. уже никто не вспоминал про старую модель города-сада, однако, сама идея идеального города продолжала существовать. И город-сад в связи с этим как реальный проект, ушел в прошлое, а его место заняла

метафора подобного города. Правда, попытки реализации подобной мечты никуда не делись. С. Гребенников и Н. Добронравов подробно описывают попытку реализовать мечту города-сада в Братске. Этот проект пытался осуществить дендролог Герман Тафинцев, приехавший туда из Москвы. Но не смотря на положительное и перспективный старт, этот проект так и не получил поддержку от властей. Сама идея подобного города уже стала уделом энтузиастов. Слишком неравнозначными казались героические будни и какие-то цветочки. Все это, по мнению С. Гребенникова и Н. Добронравова, осознавалось многими братчанами: «– Все, что сделано за эти годы по озеленению Братска, все это сделано им, Германом, говорит комсорг ЛПК Толя Львов. – Конечно, трудно ему пока работать. Не считается у нас его работа серьезным делом. Если баранку крутишь или бетон кладешь – все понимают, что это необходимо. А тут человек цветочки сажает... Не до этого, мол, сейчас.

– Вы знаете, – в разговор вступает инженер Спартак Губайдулин, – Герман своими силами сделал оранжерею в одной из палаток. Посадил рассаду. Цветы росли зимой. Люди приходили любоваться на новое таежное чудо. И вот однажды...вы не поверите, мы видели, как Герман плакал... Оказывается, здесь, у нас в тайге, ему перестали отпускать... дрова для отопления оранжереи» (Гребенников & Добронравов, стр. 102).

Цветы, как символ новой жизни, в которой грезится светлое будущее, появляются и в поэме Е. Евтушенко «Братская ГЭС»:

«Пускай цветы таежные
стоят, красным-красны,
чтоб снились не тревожные,
не лагерные сны» (Евтушенко, 1965, стр. 50).

Своеобразным апофеозом этого символа города-сада и созидательной активности советского человека, вдохновленного успехами по освоению космоса, стала песня на стихи Евгения Долматовского «И на Марсе будут яблони цвести» (1962):

«Жить и верить – это замечательно!
Перед нами небывалые пути.
Утверждают космонавты и мечтатели,
Что на Марсе будут яблони цвести!
Хорошо, когда с тобой товарищи,
Всю вселенную проехать и пройти.

Звезды встретятся с Землею расцветающей,
И на Марсе будут яблони цвести!
Я со звездами сдружился дальними!
Не волнуйся обо мне и не грусти.
Покидая нашу Землю, обещали мы,
Что на Марсе будут яблони цвести!» (Долматовский, стр. 217).

Этот перенос символа с пространства Земли в космическое пространство хорошо показывает, что в какой-то степени метафора прогресса теперь начинает ассоциироваться уже с космосом, тесня пространство сибирского фронта как второстепенное. Однако, еще долго сибирский фронт будет напоминать о себе самыми различными способами. В 70-х гг. появляются многочисленные фильмы, посвященные Сибири. Среди них особенно хотелось бы выделить четырехсерийную эпическую драму «Сибириада» (1978, реж. Андрей Кончаловский, сценарий В. Ежов и А. Кончаловский). В ней мы видим развернутое полотно, на котором изображены нескольких поколений сибиряков, мечтающих о своеобразном «городе солнца». Еще в первой серии один из главных героев, в прошлом один из лучших охотников, в одиночку рубит через тайгу дорогу. Как поясняет его сын, он и сам не знает, куда. Его дорога ведет к звезде, которая ярче остальных.

Тема светлого будущего постоянно возникает во всех четырех сериях фильма. «Город солнца», как некое новое будущее, на месте старого, отжившего, упоминается и в третьей серии. Правда, эта метафора звучит там несколько иронично, так как произносится в драматичный момент встречи старых противников.

Конечно, возвращение к теме построения нового общества было связано с активизацией освоения Сибири в конце 60-х гг. и прежде всего со строительством Байкало-Амурской магистрали, объявленной всесоюзной стройкой.

Заключение

В этой части статьи мы попытались рассмотреть другую парадигму восприятия фронтального пространства, восходящего к христианским мотивам, связанным с мессианскими переживаниями поиска ветхозаветного рая или его создание его аналогов на новых землях. И хотя между советскими «прогрессистскими» моделями освоения Сибири и пуританскими традиционалистскими проектами

построения нового общества пролегла глубокая идеологическая пропасть, все равно советские метафоры «нового города» (города-сада, города-солнца, аэрограда, космограда и т.д.) были тождественны попыткам воссоздания Нового Иерусалима, которые были так характерны для пуритан Нового Света.

Вместе с тем, социалистический энтузиазм и развитая пропаганда среди молодежи порождали в некоторой степени топофильное отношение к новому пространству Сибири.

Список литературы

Beevers, R. (1988). *The garden city utopia: a critical biography of Ebenezer Howard*. London: The Macmillan Press.

Graham, A. A. (1880). *History of Richland County, Ohio: (including the original boundaries)*. Mansfield: A. A. Graham & co.

Hillis, N. D. (1904). *The Quest of John Chapman: The Story of a Forgotten Hero*. New York: The Macmillan Company.

Howard, E. (1898). *To-morrow: A Peaceful Path to Real Reform*. London: Swan Sonnenschein & Co.

Knapp, H. S. (1863). *History of the Pioneer and Modern Times of Ashland County from the Earliest to the Present Days*. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co.

Lowell, J. R. (1903). *The Poetical Works Of James Russell Lowell*. London, New York: Macmillan & Co.

Means, H. (2012). *Johnny Appleseed: The Man, the Myth, the American Story*. New York: Simon and Schuster.

Price, R. (1939). The New England Origins of "Johnny Appleseed". *The New England Quarterly*, 12(3), 454-469.

Richardson, B. W. (1876). *Hygeia : a city of health*. London: Macmillan & Co.

Smith, P. (1973). *As a City upon a Hill. The Town in American History*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Визбор, Ю. И. (2012). *Надоело говорить и спорить*. Москва: Алгоритм.

Гоуард, Э. (1911). *Города будущего*. С.-Петербург: Типография "Общественная польза".

Гребенников, С. Т., & Добронравов, Н. Н. (1964). *В Сибирь, за песнями*. Москва: Молодая гвардия.

Долматовский, Е. А. (1984). *Я вам должен сказать: книга стихов*. Москва: Современник.

Евсиович, Б. (ноябрь-декабрь 1931 г.). Кузнецкстрой ночью. *Сибирские огни*(11-12), 44-45.

Евтушенко, Е. (Апрель 1965 г.). Братская ГЭС. *Юность*, 26-69.

Енш, А. К. (1910). *Города-Сады (Города будущего)*. Отдельные оттиски из журнала "Зодчий" за 1910 г. С.-Петербург.

Конышева, О. Ю. (2011). Идея города-сада, воплощенная гражданским инженером И.Ф. Носовичем в I трети XX в. *Известия Алтайского государственного университета*(2-2), 172-174.

Корчагина, О. А. (2016). Города-сады дальнего Востока в начале XX века: Дальний, Порт-Артур, Харбин. *Актуальные проблемы теории и истории искусства*, 668-675.

Косенкова, Ю. В. (2009). Советская архитектура в поисках средств создания благоприятной среды. *Academia. Архитектура и строительство*(5), 15-19.

Крюков, Н., & Шведов, Я. (Ред.). (1977). *Русские советские песни (1917-1977)*. Москва: Художественная литература.

Куняев, С. (1960). «Здесь будет город-сад». Что происходит сейчас в Тайшет. *Сибирские огни*(3), 129-134.

Лотман, Ю. М. (2010). *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб.

Маяковский, В. (1955-1961). *Полное собрание сочинений в 13 томах* (Т. 10). Москва: Художественной литературы.

Меерович, М. Г. (2005). Города-сады в Западной Сибири (градостроительная политика России в конце XIX – начале XX в.). *Вестник Кузбасского государственного технического университета*(6), 128-132.

Меерович, М. Г. (2007). Рождение и смерть городабсада: действующие лица и мотивы убийства. *Вестник Евразии*(1), 118-166.

Мичурин, И. В. (1950). *Итоги шестидесятилетних трудов*. Москва: Академии наук СССР.

Мрачковский, В. (январь 1931 г.). Кузнецкий металлургический. *Сибирские огни*(1), 78-95.

Семеро у костра : (сборник бардовских лирических песен). (1996). Санкт-Петербург: АОЗТ РИФМА.

Снопков, А. Е., Снопков, П. А., & Шкляр, А. Ф. (2004). *Шестьсот плакатов*. Москва: Контакт-Культура.

Якушенков, С. Н. (2016). На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. *Журнал фронтирных исследований*(4), 7-32. Получено из http://frontierstudies.com/publish/publish_28_0_2017_16_35_26/publish28_0_2017_16_35_26.pdf

GLOOMY CLOUDS COVER THE BORDER - THE STERN LAND IS ENVELOPED IN SILENCE¹. PART II.

Yakushenkov S.N.

Yakushenkov Sergei Nikolayevich, Astrakhan State University, Astrakhan, 414056, Tatischeva St., 20A.
Email: shuilong@mail.ru

The article continues the analysis of the perception of space in Russian culture begun in the previous issue of the Journal. The focus of the first part was on the perception of frontier space, generating the feelings of uncertainty, sadness, longing, alternating with rebellion, aggression and desire to leave the unwanted space. All this found its reflection in a kind of litanies, in which the heroes bemoan their tragic fate. In the second part our attention is paid to the different paradigm of frontier space perception, generated by the official propaganda in the Soviet Union, that was supposed to create a positive attitude in the perception of this space. Although the origins of this must be sought in the 30-ies of XX century, it was highlighted in the 60-ies..

The active development of Siberia, the Virgin Lands (Tselina) of Kazakhstan required that huge amounts of the population should participate in these large-scale events. The pathos of new land development is reflected in all areas of artistic culture, which, in turn, generated a warm response in the minds of the Soviet people, who were ready to follow the call of their hearts and the government and to go to distant lands, to endure hardships, but to create a new bright future. In the Soviet discourse on the development of frontier space two motives are evident: the romanticism of a pioneer (a geologist, a polar explorer, an explorer of new lands) and the celebration of the construction of a new ideal city. However, we should understand that the second motif is a continuation of the biblical tradition associated with the desire to "recreate" the perfect city – "New Jerusalem", "the city of Eden". And although some of the

¹ The article is written with a support of RFFI 15-33-11172 «Cultural Security in conditions of Heterotopia»

works with a similar theme were done according to the order of the government, there were little hypocrisy in them, as they were created by authors, who themselves were the bearers of such ideas. They found a response among broad masses of people for whom these ideas have not lost their relevance despite the replacement of religious ideas by socio-political constructs of the era of socialism.

Key words: the Frontier, space perception, topos, locus, Siberia, Garden-city, City upon a Hill, romanticism of exploration, Utopia, topophilia.

References:

Beevers, R. (1988). *The garden city utopia: a critical biography of Ebenezer Howard*. London: The Macmillan Press.

Graham, A. A. (1880). *History of Richland County, Ohio: (including the original boundaries)*. Mansfield: A. A. Graham & co.

Hillis, N. D. (1904). *The Quest of John Chapman: The Story of a Forgotten Hero*. New York: The Macmillan Company.

Howard, E. (1898). *To-morrow: A Peaceful Path to Real Reform*. London: Swan Sonnenschein & Co.

Knapp, H. S. (1863). *History of the Pioneer and Modern Times of Ashland County from the Earliest to the Present Days*. Philadelphia: J.B. Lippincott & Co.

Lowell, J. R. (1903). *The Poetical Works Of James Russell Lowell*. London, New York: Macmillan & Co.

Means, H. (2012). *Johnny Appleseed: The Man, the Myth, the American Story*. New York: Simon and Schuster.

Price, R. (1939). The New England Origins of "Johnny Appleseed". *The New England Quarterly*, 12(3), 454-469.

Richardson, B. W. (1876). *Hygeia : a city of health*. London: Macmillan & Co.

Smith, P. (1973). *As a City upon a Hill. The Town in American History*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Vizbor, Y. I. (2012). *Tired of talking and arguing*. Moscow: Algorithm.

Howard, E. (1911). *City of the future*. S.-Petersburg: Printing house of "Public benefit."

Grebennikov, S. T., & Dobronravov, N. N. (1964). *To Siberia, for songs*. Moscow: Young guard.

Dolmatovsky, E. A. (1984). *I must tell you: a book of poems*. Moscow: Sovremennik.

Ovsievich, B. (November-December 1931). Kuznetskstroy night. *Sibirskie Ogn*i (11-12), 44-45.

Evtushenko, E. (April 1965). Bratskaya GES. *Youth*, 26-69.

Ensh, A. K. (1910). *Garden cities (future Cities)*. *Some impressions of the magazine "the Architect" for 1910*, St. Petersburg, Russia.

Konyshev, O. Y. (2011). The idea of the garden city, embodied by the civil engineer I. F. Nosovich in the first third of the XX century. *The news of Altai state University* (2-2), 172-174.

Korchagin, O. A. (2016). Garden cities of the Far East in the early twentieth century: the far, Port Arthur, Harbin. *Actualnye problemy teorii y istorii iskusstva*, 668-675.

Kosenkova, Yu. V. (2009). Soviet architecture in search of a means of creating an enabling environment. *Academia. Architecture and construction* (5), 15-19.

Kryukov, N., & Swedes, J. (Ed.). (1977). *Russian Soviet song (1917-1977)*. Moscow: Artistic literature.

Kunjaev, S. (1960). "There will be a garden city". What is happening now in Taishet. *Sibirskie Ogn*i (3), 129-134.

Lotman, Y. M. (2010). *Semiosphera*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.

Mayakovsky, V. (1955-1961). *Complete works in 13 volumes* (vol. 10). Moscow: Artistic literature.

Meerovich, M. G. (2005). Garden cities in Western Siberia (the town-planning policy of Russia in the end of XIX – early XX century). *Bulletin of the Kuzbass State Technical University* (6), 128-132.

Meerovich, M. G. (2007). Birth and death городабсада: the characters and motives of the murder. *Bulletin Of Eurasia* (1), 118-166.

Michurin, I. V. (1950). *Results of sixty years work*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.

Mrachkovsky, V. (January, 1931). The Kuznetsk metallurgical. *Sibirskie Ogn*i (1), 78-95.

Seven men by a campfire : (a collection of acoustic songs). (1996). Saint Petersburg: AOZT RHYME.

Snopkov, A. E., Snopkov, P. A., & Shklyar, A. F. (2004). *Six hundred posters*. Moscow: Kontakt-Kultura.

Yakushenkov S. N. (2016). Gloomy clouds cover the border - the stern land is enveloped in silence. *Journal of Frontier Studies* (4), 7-32. Derived from http://frontierstudies.com/publish/publish_28_0_2017_16_35_26/publish28_0_2017_16_35_26.pdf

Приложение

Рис. 1. Рисунок П. Соколова-Скаля повторяющий композицию картины Эмануэля Лойце «Westward the course of empire takes its way» (1861)

**ИНСПЕКЦИОННАЯ ПОЕЗДКА ПОРУЧИКА ГВАРДЕЙСКОГО
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА Д. А. МИЛЮТИНА ЗА КУБАНЬ В ДЕКАБРЕ
1839 ГОДА.**

Бойденко С.В.

Бойденко Светлана Владимировна, 105203, г. Москва, Эл. почта:
ssoloczka@mail.ru

Скиба К.В.

Скиба Константин Викторович, 352900, г. Армавир, Эл. почта:
kv-220-85@mail.ru

В данной статье впервые вводятся в научный оборот путевые заметки поручика Гвардейского Генерального Штаба, будущего военного министра России Д.А. Милютина, предпринявшего инспекционную поездку из Ставрополя за Кубань в конце 1839 года.

Оригинальный текст путевых заметок предваряет описание службы Милютина на Кавказе – его участие в военных экспедициях и написание научных работ.

Заметки Милютина представляют несомненный исторический интерес, поскольку описывают множество событий, происходивших на Кубанской кордонной Линии на рубеже 1830-40-х годов. Они включают в себя топографическое описание местности, климатические данные, краткие статистические данные об устройстве казачьих станиц и военных укреплений, этнографическое описание ногайцев и черкесо-гаев, характеристику состояния лесов, растущих по реке Уруп. Особое внимание уделено личности генерала Г.Х. Засса - командующего Кубанской кордонной Линией в 1834-1842 гг..

Ключевые слова: Д. А. Милютин, Кубанская кордонная Линия, генерал Г. Х. Засс, линейные казаки, ногайцы, черкесо-гаи, крепость Прочный Окоп, укрепление Святого Георгия.

Морозным утром 1 декабря 1839 года из Ставрополя, по дороге на крепость Прочный Окоп, выехала телега, в которой сидел Дмитрий Алексеевич Милютин – молодой поручик Гвардейского Генерального штаба, который через несколько дней, «за отличные

успехи в науках», показанные во время учебы в Императорской Военной Академии, будет произведен в штабс-капитаны.

Но какие события предшествовали описываемой поездке, как этот талантливый офицер-штабист оказался на «погибельном Капказе»?

Поручик Милютин был командирован на Кавказ в феврале 1839 года, «для приобретения военных познаний и опытности», где и прослужил, с двухгодичным перерывом, до 1844 года (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 89128. Л. 2). Это время для Дмитрия Алексеевича было наполнено упорной работой в штабе, непрерывными поездками по всей Кавказской Линии, лишениями походной жизни, опасными экспедициям и жаркими стычкам с «непокорными горцами».

В 1856 году Милютин приехал служить на Кавказ во второй раз. По просьбе князя А. И. Барятинского, его назначили начальником штаба Кавказской армии. В 1859 году он участвовал в овладении укрепленным аулом Гуниб, где был взят в плен имам Шамиль.

«Кавказский опыт» послужил фундаментом многих научных разработок будущего талантливого военного реформатора. Именно сочетание аналитического ума и практических «кавказских знаний» стало двигателем блестящей карьеры будущего военного министра России.

В 1839 году, первоначальным пунктом в его поездке на Кавказ, стал город Ставрополь – штаб-квартира «командующего войсками, расположенными на Кавказской Линии и в Черномории». Тогда эту должность занимал генерал-адъютант Павел Христофорович Граббе.

По собственной просьбе Милютина, его определили в экспедиционный «Чеченский отряд», который в это время действовал в Чечне и Северном Дагестане (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1997, стр. 197-198).

Дмитрий Алексеевич получил должность обер-квартирмейстера отряда, которая включала ведение переписки относительно боевых действий, составление диспозиций, рекогносцировку местности, контроль за прокладкой дорог и др. (Осипова, 2005, стр. 82, 85).

Уже в начале экспедиции, в мае, во время одной из стычек, Милютин был ранен ружейной пулей в правое плечо навывлет, с повреждением кости, но оставался в строю до окончания военных

операций отряда в середине сентября. Все это время отряд, почти непрерывно, вел боевые действия против «скопищ» имама Шамиля и его наибов – Ташев-Хаджи и Ахверды Магомы, за что 25 июня ему было объявлено особенное «Высочайшее благоволение» «за поражение 26-го, 30-го и 31-го мая скопищ, в Северном Дагестане возмущившихся».

Самым значительным успехом действий этого отряда было взятие 22 августа 1839 года дагестанского аула Ахульго – ставки имама Шамиля (Осипова, 2005, стр. 85). И хотя последнему удалось бежать, эта победа имела важное психологическое значение: Ахульго считался неприступным, а с его падением вера в Шамиля среди горцев была сильно поколеблена.

В том же году, за участие в экспедиции и другие отличия, Милютину была Всемилоостивейше пожалована серебряная «штурмовая ахулговская медаль» (Хамар-Дабанов, 1986, стр. 120), а также ордена Святого Станислава 3 степени и Святого Владимира 4 степени с бантом (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 89128. Л. 2об.).

По окончании военных действий в Дагестане, Милютин отправился с поручением от П. Х. Граббе в Тифлис, где провел месяц, а затем возвратился в Ставрополь.

Свои наблюдения за время экспедиции 1839 года он сумел проанализировать, после чего представил обер-квартирмейстеру войск Кавказской линии и Черномории И. И. Нордестаму «новую систему фортификации для Кавказского края»; за этот труд он удостоился Высочайшего благоволения в июне 1840 года (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1997, стр. 281).

В 1843 году, после двухгодичного путешествия по Европе, Милютин ввернулся на Кавказ на должность обер-квартирмейстера войск, расположенных на Кавказской Линии и в Черномории.

Здесь, на штабной работе, он написал «Наставление к занятию, обороне и атаке лесов, деревень, оврагов и других местных предметов» (СПб., 1845), высоко оцененное местными кавказскими офицерами.

В 1846 году, уже покинув Кавказ и получив должность профессора Императорской Военной академии, Милютин составил «Курс Военной Географии и Военной Статистики, преподаваемый в Императорской Военной Академии Генерального Штаба

Подполковником Милютиным», в который он поместил раздел «Кавказский край». В 1848 году вышел его «Краткий Очерк Кавказского края в военном отношении. Из лекций Полковника Милютина в Императорской Военной Академии».

Но, что особенно интересно, в 1839 году, помимо своих прямых обязанностей по составлению различных отчетов, Милютин вел личные походные дневники – «Заметки на память» (НИОР РГБ. Ф. 169. К. 1. Ед. хр. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10).

В них он вносил краткие описания и зарисовки всего, что удавалось ему замечать на Кавказе: облик казачьих станиц, жилища горцев, чертежи горских поселений и крепостей, базары и кладбища, способы возведения мостов, русская военная форма и костюмы местного населения, устройство горских седел, кавказская домашняя утварь и т.д. Впоследствии эти черновые дневниковые наброски обрели законченный вид в альбоме рисунков «Воспоминания о Кавказе» (НИОР РГБ. Ф. 169. К. 1. Ед. хр. 12).

Путевые заметки Милютина включали в себя не только внешние наблюдения – стараясь проникнуть в мысли и переживания «кавказских людей» и проявляя свой «истинно государственный взгляд», он задумывался об обустройстве жизни в этой новой и совершенно особой части Российской Империи. Позднее эти дневники легли в основу изданных «Воспоминаний», но, к сожалению, все материалы в публикацию не вошли...

Здесь мы и приближаемся к тому небольшому путешествию, которое предпринял Милютин из Ставрополя за Кубань в начале декабря 1839 г.

После насыщенной событиями и опасностями боевой жизни в Чечне и Дагестане, два месяца спокойствия в Ставрополе показались деятельному поручику слишком утомительными, ему снова захотелось новых впечатлений.

Он хватается за малозначительное поручение осмотреть лес, растущий по реке Уруп, с целью выяснить, возможно ли им пользоваться местным линейным казакам для строительных работ в своих станицах.

Это небольшое 4-дневное путешествие нашло отражение в изданных «Воспоминаниях» лишь в скупом абзаце, где Милютин очень поверхностно описал свой маршрут (Воспоминания генерал-

фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1997, стр. 282-283).

Между тем, в своем дневнике, этой поездке он посвятил добрую дюжину страниц, из которых мы можем узнать много интересных подробностей о событиях, происходивших на Кубанской кордонной Линии на рубеже 1830-1840-х годов (НИОР РГБ. Ф. 169. К.1. Ед. хр. 11 Лл. 17-22об.). Они достойны отдельной публикации, что мы и намерены сделать в данной статье. Итак, предоставим слово Д.А. Милютину...

«1-го декабря 1839 года послан я был по казенному поручению за Кубань на реку Уруп. Я обрадовался этой откомандировке: Ставрополь мне смертельно надоел; его однообразное бездействие, сидячая жизнь с пером в руке, бесхарактерные физиономии безжизненного общества – навели на меня совершенную хандру, хандру петербургскую, ту хандру от которой так радостно бежал я оттуда искать лечения на Кавказ.

Полугодичная кочевая жизнь, жизнь энергическая, деятельная, тревожная, исполненная разнообразия, ежеминутно, на каждом шагу представлявшая предметы новые, занимательные, жизнь с опасностями и картинами ужаса, среди природы юной, дикой, изумительной – такая жизнь представляла слишком сильную противоположность с мирным домосидением в благополучном и богохранимом областном городе Ставрополе. Я уже привык было к той жизни, и, не мудрено, что Ставрополь показался мне хуже монастыря, хуже тюрьмы. Расстройство физическое явилось вслед за немощью нравственной и, чтобы поправиться от того и другого, я с радостью оставил Ставрополь.

С рассветом 1-го декабря на тройке поскакал по дороге на Прочный Окоп. В Ставрополе была зима; снег по колена. Отъехав верст восемь, я начал спускаться по крутому скату высот, на возвышенной площадке которых лежит город, – и, спустившись сажень 100 или 150 на равнину, простирающуюся до самой Кубани – я вдруг очутился среди весны: на полях нигде не было снега; восходящее солнце согревало землю и покрывало зелень блеском росы, стада уже выходили пастись в степи.

Одним словом здесь 1-го декабря было точно так же как во внутренней России бывает конец сентября и начало октября или март и начало апреля.

Я ожил духом и телом, телега моя весело катилась по равнине: только сзади меня и слева тянулись скаты высот, покрытых снегом и туманом, высот которые образуют некоторого рода хребет, прерывающий равнину Кавказской области по направлению от Эльбруса, по правой стороне верхней Кубани до Ставрополя и станции Московской.

Так как кроме крутого спуска с этих высот, дорога моя была довольно ровна и я ехал безостановочно; проехав хутор Жуковский, я остановился для перемены лошадей в Сингилеевке (станции Сенгилеевской – Авт.).

Станица эта, верстах в 25 или 30 от Ставрополя, довольно обширна – среди разбросанных хат, мазанок, сараев с соломенными крышами, возвышается старая, выбеленная деревянная церковь, с зеленой главой и колокольной; она старой русской архитектуры и обнесена каменной стеной с бойницами.

Но меня всегда очень удивляет беспечность наша на Кавказе. В такой стране, где беспрестанно бывают прорывы хищников, верстах в 20 от кордонной Линии, через которую неприятель может всегда прорваться, селение без всякой обороны, избы разбросаны в большом беспорядке, на большом пространстве как будто стоги сена, поставленные тут и там, без улиц, без общей ограды. Русский Бог велик! Авось так сойдет!¹

Станция от Сингилеевки до Прочно-Окопской станицы² очень трудна: тут считается 40 верст, – и это самое умеренное; но дорога довольно ровная, зато несносно скучная и однообразная.

При короткости дня, я приехал в Прочно-Окопскую станицу уже когда наступила совершенная темнота. На дороге никого не встречал я во весь день, кроме стад с пастухами и, изредка, казаков верхом.

Прочно-Окопская станица расположена на самом берегу (правом) Кубани, в том месте, где берег не так крут, не так обрывист как в других местах. [Заметка на полях рукописи: в ней 280 дворов и до 1800 жителей]

¹ Станица Сенгилеевская, в отличие от «коренных» линейных станиц, была основана как село государственных крестьян-однодворцев без устройства по «правильному военному плану» со рвом, валом, вышками и оградой из плетня.

² Здесь речь идет не о двух казачьих «станциях», а о «станционном прогоне» между двумя дорожными станциями.

Это огромное селение разбито правильными четверугольниками по скату высокого берега, с прямыми, широкими, ужасно грязными (как и во всех станицах) улицами, ровом и плетнем кругом. Здесь полковая квартира Кубанского казачьего полка.

Обделав свои дела по службе, переночевав у подполковника Ендаурова¹, которого видел я в Петербурге, рано утром следующего дня пустился я в путь далее за Кубань.

Мне дано было 20 казаков конвоя. Спустившись по крутому косогору к Кубани, я переехал реку вброд немного выше станицы. В это время года Кубань везде проходима вброд; везде почти около этих мест высота воды ровно по брюхо лошади; однако ж течение все еще довольно быстро; по берегам были льдины; Кубань замерзает каждую зиму, но ненадолго.

Летом она совсем иная: она приходит в неистовство, как и все местные реки, вытекающие из гор, и тогда на ней бродов очень мало.

Левый берег Кубани низменный, покрытый остатками леса, и нагорный берег верстах в 2-х от русла реки, извивающегося перед лесом.

Правый берег напротив чрезвычайно высок, в виде хребта высот, весьма крутых, в иных местах почти отвесных.

На одной из таких высот, верстах в 3-х от Прочно-Окопской станицы вверх, лежит крепость Прочный Окоп – местопребывание знаменитого в здешнем крае Засса. С низменного левого берега крепость кажется вполне крепкой, и заслуживала бы более это название лишь настоящая крепость Грозная. Перед самою крепостью Засс строит мост через Кубань, но жители сомневаются, что этот мост выдержит течение реки в полноводие².

От брода я поехал вверх по левому берегу Кубани к устью Урупа, чтоб потом ехать все вверх по этой реке до укрепления Святого Георгия³.

¹ Подполковник Эндауров Петр Николаевич, с 1840 года командовал Ставропольским линейным казачьим полком.

² Так и произошло, этот мост был смыт половодьем в ближайшем 1840 году. Вместо него пришлось устраивать временную паромную переправу и возводить новый мост.

³ «Укрепление Святого Георгия», рассчитанное на 400 человек пехоты и 6 орудий, было заложено в 1828 году генералом Антроповым. Он назвал его «в честь генерала Георгия Емануэля»; это было «первое русское укрепление, переброшенное на вражескую сторону» (т.е. первое закубанское укрепление на территории Кубанской кордонной Линии) (Филонов С. **Кавказская Линия под управлением** генерала Емануэля // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С.404).

Здесь по левому берегу Кубани почти сплошь ногойские аулы, и перед ними один, самый огромный – армянский. Армяне эти издавна поселились в горах, жили там своими аулами, смешались с горцами, но сохранили свою религию, и охотно переселились на Кубань по приглашению русского правительства, призывавшего их именем религии. Но кроме религии эти Армяне не имеют никакого отличия от своих соседей – ногойцев и даже черкесов, – разве только более черный цвет бород.

Одеваются они так же и даже говорят тем же языком. Аул их очень велик: избы построены по образцу казачьих в виде мазанок, но с высокими соломенными крышами; аул обнесен рвом и плетнем.

Ногойцы также недавно поселились по Кубани по распоряжению русского начальства. [Заметка на полях рукописи: См. о ногойцах особые сведения в общей таблице покорных племен Правого фланга]

Сначала они жили по Урупу и другим притокам Кубани; но, чтобы иметь их под ближайшим надзором и, так сказать, совершенно в наших руках, правительство поселило их вдоль по Кубани, оставив им прежние их земли и уголья¹.

Ногойцы мало занимаются хлебопашеством, а более скотоводством; но так как пастбища их очень удалены от аулов, то они устраивают среди леса растущего вдоль реки так называемые коши – плетневые изгороди с плетневой же избой, куда они на ночь загоняют свои стада овец и баранов.

Днем все эти стада выходят в поле, и хозяева приезжают из своих аулов осматривать их. Зимой, когда совершенно уже нет травы, они питают своих баранов и коз ветвями деревьев, к чему баран их приучен, как к самой лакомой пище; но пища эта стоит довольно дорого – рубка огромных деревьев для одних ветвей чрезвычайно истребила лес, которого здесь очень уже мало.

¹ «Ногойские татары были поселены русским правительством (в 1824 году – Авт.), в числе 12.000 душ, на левом берегу Кубани, от Баталпашинской станицы вниз до устья Лабы. Между ними нет дворянства, а существуют только вольные люди или так называемые второстепенные уздени, повинующиеся князьям пяти фамилий: Келембет, Мансур, Кипчак, Карамирза и Навруз». И если «преданность ногойцев не всегда была безукоризненна, по причине их трудного положения между русскими и единоверцами в горах, но можно сказать, что многие из князей исполняли свои обязанности добросовестно и действовали в нашу пользу...». (Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835-1838. М., 2000. С.143-144).

По Кубани он уже почти вовсе истреблен; остались еще узкие полосы по притокам ее: по Лаббе, Урупу и проч. Этот лес по Урупу я и имел, между прочим, поручение осмотреть.

Ехавши вверх по Урупу по лесу с несколькими казаками, пока прочие забавлялись охотой за зайцами, я встречал много ногойцев и армян то верхом, то в арбах на волах. Одежда ногойцев точно такая же, как чеченская и как в большей части Северной и Северо-Восточной покатости Кавказского хребта. Большею частью они были на работе в поле без оружия; но те, которых я видел верхом, и которые вероятно были их хозяева и владельцы – были вооружены как черкесы. Единственное полевое занятие ногойцев – косить траву и складывать ее в стога; везде по степи возвышаются стога сена как пирамиды.

Река Уруп не широка в обыкновенное время – сажень в 20 или 25; в зимнее время она везде почти имеет брод, – но течение ее везде довольно быстро. Она течет крутыми извилинами среди леса; берега ее при устье низменны, а нагорные берега довольно удалены; затем вверх по течению нагорные берега все более сближаются, так что верстах в 10 от устья Уруп течет уже в глубокой и узкой балке, поросшей лесом.

Вправо и влево простираются обширные равнины, и только около укрепления Святого Георгия начинаются гористые возвышения, соответствующие крайней оконечности отрогов главного Кавказского хребта.

Укрепление Святого Георгия верстах в 10 от устья Урупа, построено на правом возвышенном, нагорном берегу Урупа, так что к воде должно спускаться также круто под гору, высотой сажень в 70 или 100. Укрепление совершенно мизерно: несколько мазанок для одной роты Навагинского пехотного полка обнесены плетнем и канавой, которые образуют фигуру квадрата; углы его вооружены 4-мя орудиями, поставленными как будто на возвышенных кафедрах под балдахинами.

Все это укрепление так ничтожно, так низко, что снег совершенно заносит его, так что остаются снаружи только крыши и можно свободно переехать в экипаже через так называемый вал.

Я видел еще остатки снега, от которого река не успела освободить и очистить укрепление; во многих местах я еще видел,

что снег лежал выше вала. Нельзя опять не подивиться Русскому Богу и великому слову авось!

Это укрепление, совершенно выброшенное вперед за Линию, при таком громком положении никогда не было атаковано хищниками, даже тогда, когда в нем оставалось только несколько десятков человек гарнизона.

Но укрепление Святого Георгия намерены перенести на левую сторону Урупа; не знаю лучше ли там будет ему и как построят его.

Я прямо явился к ротному командиру – командиру крепости, и по приказанию его остановился у него же, потому что другой комнаты и не было в крепости. К счастью командир был человек довольно порядочный, но вообрази себе положение быть командиром в укреплении, в котором, кроме его, нет ни одного офицера и ни одной женщины, кроме одной старухи; в укреплении, в которое кой-то в веки забредает только разве какой-нибудь подобный мне искатель приключений поневоле, или придется команда из нескольких человек в другое соседнее укрепление.

Через укрепление Святого Георгия идет сообщение от Линии (от станицы Убежной), через укрепление Жировское (бывшее Вознесенское) в новопостроенное Арджинское или Зассовское.

Укрепление Жировское едва может быть названо укреплением. В 1837 году (?– Авт.), когда в этой части Линии не совсем было покойно, Засс поставил близ Вознесенского укрепления целый донской казачий полк, которого командир был Жиров¹.

С наступлением зимы нашли нужным оставить здесь этот полк и приказали Жирову кое-как устроить без заливки землянки и окопаться.

Таким образом, и произошло Жировское укрепление; оно осталось до сих пор в первоначальном виде, а укрепление Вознесенское было тогда же упразднено. Жировское укрепление находится в 25 верстах от Георгиевского.

Укрепление Арджинское, названное теперь по Высочайшему повелению Зассовским, построено нынешним летом генералом Зассом. Мне не удалось в нем быть; но мне хвалили крепость его орудиями. Оно находится с левой стороны Лабы, верстах в 3-х от нее,

¹ «Донской казачий Жирова № 8 полк» служил на Кубанской Линии в 1834-1837 годах, заступив на службу в Вознесенское укрепление на Чамлыке в 1836 году (Потто В.А. Я. П. Бакланов. Биографический очерк. СПб, 1885. С.5-10).

на другой небольшой реке; вал его весь состоит из дерна; кроме главного укрепления есть еще передовое малое, с которым первое соединено родом плотины¹.

Генерал Засс играет главную роль в здешнем крае. Кто не знает уже о нем и в России. Несмотря на некоторые недостатки, в которых его упрекают, это человек вполне полезный для края и совершенно понимающий как должно здесь действовать и как обращаться с горцами.

Сколько рассказов слышал я про него.

Он в большом уважении у горцев, которые боятся его, называют его «шайтаном» (чертом). Он их морочит, пугает электрической машиной, употребляет и деньги, и хитрость, и кинжал убийц, и силу оружия – все средства какие только в его власти, все для него законно и позволительно.

Он безмилосердно надувает горцев не хуже того, как горцы нас. В экспедициях своих и набегах он также действует по образцу горцев: делает невероятные скрытные переходы, истребляет что попадется, забирает добычу, делает засады, употребляет разные стратагемы.

Когда Засс получает известие о прорыве значительной партии хищников, он, вместо того, чтобы отыскивать ее и бежать за нею, располагается в засаде там, где шайка эта может пройти при обратном движении – и здесь наносит ей совершенное поражение и отнимает приобретенную ей добычу. Солдаты жалуются на жестокость, с которою он заставляет их делать невероятные переходы. Когда он видит нужду в быстрых и решительных действиях, он забывает что есть границы человеческим силам и употребляет пехоту наравне с казаками.

Одним словом, Засс в Закубанье главный герой, и Прочный Окоп в глазах горцев – как будто какое-то орлиное гнездо, где гнездится враждебная или сверхъестественная сила. В наружности Засса нет ничего необыкновенного; роста среднего, лицо бледное,

¹ «Зассовское укрепление с небольшим своим редутом построено на одной из главнейших доселе хищнических дорог, на высотах правого нагорного берега Лабы...Посреди длинных его фасов построены люнеты с короткими флангами, для обстреливания рва; вооружено 7 крепостными орудиями, в нем находятся две площади, казармы, дом воинского начальника, временный артиллерийский парк, цейхгаузы, конюшни и пороховой погреб. Все это построено из турлука» (Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 25. Л. 48).

продолговатое, выражение довольно тонкое, усы длинные висячие, белокурые.

Нельзя себе представить какое унылое монотоние царствует в маленьких кавказских укреплениях. Кругом пустыня; человек заключен в тесные грани обнесенные плетнем и не смеет переезжать за эту грань.

Особенно ужасно в дурную, осеннюю погоду, когда резкий ветер свободно прогуливается со свистом по дикой пустыне, или зимой, когда снег завалит все укрепление и внутри, и вокруг.

Есть укрепления, которые по полугоду не имеют никаких сообщений с остальной частью мира. Сколько раз наводили на меня непреодолимое уныние и эта преждевременная вечерняя заря, этот заунывный оклик часовых целую длинную зимнюю ночь, и это безмолвие пустыни, прерываемое свистом ветра и часовыми. Незавидная участь у постоянных обитателей этих мрачных уголков вселенной.

Зато как довольны бывают в крепости проезду всякого чужого! Незнакомца встречают как друга, осыпают его расспросами, удивляют запоздалостью и одичалостью мнений и образа мыслей.

У этих людей уже нет ни желаний, ни надежд, ни радости, ни горя; они забывают счет дням, и всякий день с нетерпением ожидают только наступления ночи, чтобы забыть во сне скуку дня.

Чем лучше это положение заключения в темнице?

3-го декабря я выехал из укрепления Святого Георгия, переехал Кубань у станицы Убежной [Заметка на полях рукописи: В Убежной 240 дворов и церковь], сел тут на телегу – и поскакал обратно в Прочный Окоп.

Здесь я остановился взглянуть на крепость, в которой кроме нескольких довольно незначительных домиков ничего нет [Заметка на полях рукописи: 7 домов и 2 деревянные казармы. Между Убежной и Прочным Окопом на левом берегу Кубани живут до 500 человек, подвластным князьям Темир-Давлетбеку и Наурузу], проехал через слободу с парой рот¹, и снова явился на ночлег в Прочно-Окопскую станицу.

На следующий день я прежним путем благополучно добрался до Ставрополя, и снова вступил в обыкновенные границы

¹ Речь идет о форштадте - поселке при крепости Прочный Окоп, где тогда, видимо, стояли 2 роты.

однообразной, сидячей жизни. И снова явилась ко мне неотступная спутница этой жизни – хандра.

Живешь на месте в покое – хочешь скакать, лететь, ищешь тревоги, беспрестанной перемены. И в дороге, перескакивая с места на место, не зная ни днем, ни ночью покоя – ждешь с нетерпением, когда доедешь до места, чтобы успокоиться. И так проходит вся наша жизнь! Мы право дети!»

Библиографический список:

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Фонд 169 «Милютины». К.1. Ед. хр. 11 «Милютин Д. А. Отрывки из моего журнала, 1839 г.».

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд 409 «Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии». Опись 1. Дело 89128 «Послужной список Д.А.Милютина, 1876 г.».

Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816-1843 гг. / Под ред. Л. Г. Захаровой (1997) М.: Российский Фонд Культуры. Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова.

Осипова, М.Н. (2005) *Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А.Милютин*. М.: Animi Fortitudo.

Хамар-Дабанов, Е. (1986) *Прodelки на Кавказе*. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство.

INSPECTION TRIP OF THE GUARD GENERAL STAFF LIEUTENANT D. MILYUTIN ACROSS THE KUBAN RIVER IN DECEMBER 1839

Boydenko S.V.

Boydenko, Svetlana Vladimirovna, Moscow 105203,
e-mail: ssoloczkaya@mail.ru

Skiba K.V.

Skiba, Konstantin Viktorovich, Armavir 352900,
e-mail: kv-220-85@mail.ru

The travel notes of the Guard General Staff Lieutenant, future Russian Defense Minister D. Milyutin are presented in this article for the first time ever. The notes describe his inspection trip from Stavropol across the Kuban river in the end of 1839.

Original text of the travel notes is preceded by the description of Milyutin's services in Caucasus — his participation in military expeditions and thesis preparation.

Milyutin's travel essays are doubtlessly of scientific interest as they depict many events that took place at the Kuban border line on the cusp of 1830-40s.

The notes include a topographical sketch, climate data, brief statistics on Cossack villages (stanitsas) and military fortifications, ethnographic description of the Nogais and the Circassian Armenians, outline of the forests grew down by the Urup river.

A special notice was taken on the General G. Sass, the Commander-in-Chief of the Kuban border line in 1834-1842.

Key words: D. Milyutin, Kuban border line, G. Sass, linear Cossacks, Nogais, Circassian Armenians, Prochny Okop fortress, St. George fortification

References:

Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (NIOR RGB). Fond 169 «Miljutiny». K.1. Ed. hr. 11 ««Miljutin D. A. Otryvki iz moego zhurnala, 1839 g.».

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). Fond 409 «Posluzhnye spiski, attestacii i nagradnye listy oficerov russkoj armii». Opis' 1. Delo 89128 «Posluzhnoj spisok D.A.Miljutina, 1876 g.».

Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1816-1843 gg. / Pod red. L. G. Zaharovoj (1997) M.: Rossijskij Fond Kul'tury. Studija «TRITJe» N. Mihalkova.

Osipova, M. N. (2005) Velikij russkij reformator fel'dmarshal D.A.Miljutin. M.: Animi Fortitudo.

Hamar-Dabanov, E. (1986) Prodelki na Kavkaze. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

**БЮРОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ ФРОНТИРА: ПРОБЛЕМА
ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В РОССИЙСКО-
КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ¹**

Зуенко И.Ю.

Зуенко Иван Юрьевич, Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
Эл. почта: ivanzuwei@gmail.com

Статья посвящена вопросам функционирования субнациональных правительств приграничных регионов России и Китая, на долю которых приходится основная «нагрузка» в развитии российско-китайского регионального сотрудничества. В условиях «навязанного» взаимодействия с субъектами, отличающимися иным цивилизационным кодом и будучи ограниченными политическими практиками централизованных государств, местные бюрократии проявляют стремление ориентироваться в своих действиях на взаимодействие с Центром, не доверяют своим вынужденным партнерам и, анализируя баланс между рисками и возможностями, акцентируют свое внимание на рисках. В результате с обеих сторон не учитываются специфические черты организации бюрократического аппарата, особенности деловой культуры, выдвигаются предложения о сотрудничестве, не учитывающие интересы другой стороны и направленные на решение собственных конъюнктурных задач. По мнению автора, совокупность этих факторов определяет низкие показатели развития российско-китайского регионального сотрудничества, не соответствующие установкам Москвы и Пекина на стратегическое партнерство.

Ключевые слова: Россия, Китай, приграничные территории, фронт, бюрократия

Постановка проблемы

В рамках современных теорий глобализации, описывающих процессы взаимодействия государств, присутствует представление о приграничных территориях (borderlands) как о месте «смешения»,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ проект № 15-07-00039 «Северо-Восточный Китай и Дальний Восток России: факторы влияния на модернизационное развитие трансграничных территорий в 50-60-е гг. XX в. и начале XXI в. (Сравнительный анализ)»

«сплавления» культурных и политических пространств (Appadurai, 1996). Утверждается, что подобный феномен наблюдается не только в рамках единой цивилизационной системы (например, в Западной Европе), но и в случаях, когда граница разделяет страны с различным цивилизационным кодом. Большинство соответствующих концепций основаны на изучении границы США-Мексика (например, Dear&Burrridge, 2005), а также схожих процессов в истории индийского субконтинента (Metcalf&Metcalf, 2006). В то же время взаимодействие между российским и китайским приграничьем Восточной Сибири и Дальнего Востока представляет иной пример, некоторым образом противоречащий вышеуказанным теориям. Несмотря на значительную протяженность общей границы (4209 км) и давнюю историю трансграничных контактов, феномен «сплавления» культурных и политических пространств, за вычетом отдельных кейсов, здесь не наблюдается. Таким образом, местные органы власти по обе стороны границы, являющиеся в нынешних социально-политических условиях основными акторами трансграничного взаимодействия, осуществляют свою деятельность фактически в условиях непонимания друг друга.

Современный этап российско-китайских отношений ознаменован наличием двух характеристик: с одной стороны, отношения двух стран с точки зрения стратегического партнерства являются «лучшими за всю историю»; с другой стороны, реальное экономическое и гуманитарное сотрудничество на местах остается на крайне низком уровне. Подведение промежуточных итогов Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009-18 гг.) подтверждает этот вывод. То же можно сказать и ключевом показателе экономического сотрудничества – объеме двухсторонних инвестиций, который директор ИИАЭ ДВО РАН В.Л. Ларин справедливо называет «мизерным» (Ларин, 2014, с. 22). О масштабных российских инвестициях в китайскую экономику в настоящий момент говорить не приходится, однако и китайские инвестиции в Россию, относительно уровня межгосударственных отношений двух стран и потенциала российско-китайского экономического сотрудничества, можно сказать, не идут.

Безусловно, ответ на вопрос «почему» не может быть однозначным. В данном случае мы имеем дело с целым комплексом

проблем, касающихся как пресловутой проблемы «инвестиционного климата» в России, так и ряда проблем из области географии, касающихся демографии и логистики. На данном этапе ключевое значение, на наш взгляд, имеет тот факт, что в условиях значительного вмешательства государства во все сферы жизни общества, трансграничное взаимодействие осуществляется в основном местными органами власти. Мы можем констатировать, что на данный момент действия чиновников по обе стороны границы исходят из различных мотиваций, зачастую носят формальный характер, без наличия заинтересованности в реальном результате (Иванов, 2011, стр. 150). Для обеих сторон, судя по результатам интервьюирования, оказывается характерным непонимание специфики устройства региональной власти – то есть того самого партнера, непонимание особенностей которого является реальным препятствием, затрудняющим сотрудничество. Установление и разъяснение этой специфики актуально с точки зрения развития обоюдно выгодных отношений регионального сотрудничества с Китаем.

Особенности устройства региональной власти КНР и проблема эффективности взаимодействия с ней.

Сформировавшаяся в течение 1980-2000-х годов система региональной власти и управления в КНР характеризуется рядом черт, являющихся специфическими при сравнении с российскими реалиями:

Во-первых, это партократический характер политической системы в Китае. Коммунистическая партия Китая (КПК) не просто является правящей партией. Фактически вся система власти и управления, как в Центре, так и в регионах имеет дуалистический характер. Наравне с органами государственной власти (Собрание народных представителей и формируемое им Народное правительство) в регионах действует местный комитет партии, чья задача формулируется как «политическое руководство» органами власти и управления, однако на практике он занимает доминирующее положение во всех сферах жизни региона. Каждая из единиц административно-территориального устройства КНР имеет двух руководителей: по партийной и административной линиям. При этом «партийный босс», не имеющий административной должности, согласно негласной практике, является руководителем главы региона,

который, в свою очередь, являясь членом партии, занимает должность заместителя главы парткома. Сложность восприятия подобной системы со стороны внешних партнеров заключается не только в том, что реалии партократического государства могут быть непонятны (как раз на постсоветском пространстве эта проблема значительно меньше, чем в целом в мире), а в том, что контакты с партийными комитетами возможны по линии политических партий, а не государственных органов.

Между тем, содержательное сотрудничество между правящими партиями России и Китая отсутствует; двухдневный форум представителей партий в г. Суйфэньхэ в 2009 году так и остался эпизодом. Кроме того, данные партии обладают совершенно различным статусом – правящее положение КПК закреплено конституционно, в то время как положение «Единой России» зависит от политической конъюнктуры. Как следствие, складывается ситуация, когда российские чиновники чаще всего вынуждены решать вопросы приграничного сотрудничества с теми, кто занимает в китайской системе региональной власти подчиненное положение, а контакты с истинно «первыми лицами» регионов – первыми секретарями парткомов – носят эпизодический характер и ограничены по протокольным соображениям.

Во-вторых, это наличие многоступенчатой системы административно-территориального деления (АТД), которая, во-первых, имеет больше уровней (четыре), чем Россия (три: субъекты федерации – муниципальные образования – городские и сельские поселения), а во-вторых, отличается значительным числом «особых случаев», не закрепленных конституционно. Так, действующей конституцией 1982 года закреплена трехзвенная структура административно-территориального деления (ст. 30): провинциальный – уездный – волостной уровень. При этом с середины 1980-х годов в ходе осуществления т.н. «городской административной реформы» повсеместно по территории Китая были объединены округа¹ и города уездного значения, причем формально именно города поглощали округа, что привело к появлению

¹ Условные территории, включающие в себя несколько уездов, без формирования органов госвласти.

феномена «городов окружного значения» (prefecture-level cities) (Кондрашова, 2008, стр. 72).

Фактически именно они являются в настоящий момент основой внутрипровинциального административного деления и образуют отдельную, не закреплённую в Конституции, ступень системы АД. Кроме того, на низовом, также не закреплённом в Конституции, уровне АД осуществляется самоуправление соседской общиной, формируются комитеты сельских и городских жителей¹. Путаница в вопросах терминологии (например, единицы сразу трех различных уровней административно-территориального деления КНР могут наименоваться «город»), а также асимметрия структур административно-территориального деления двух стран, вызывает сложности с определением субординации при осуществлении российско-китайских официальных контактов.

Например, одним из городов-побратимов Владивостока является Яньбянь-Корейский автономный округ, что, несмотря на кажущуюся несуразность, является корректным, поскольку этот автономный округ занимает нишу города окружного значения и соответствует другому городу-побратиму Владивостока – Даляню. Однако, проведение официальных переговоров по линии Владивосток (центр субъекта федерации) – Суйфэньхэ (город субокружного значения в составе города окружного значения Муданьцзян) следует признать ошибкой. Другой пример подобной асимметрии: переговоры по линии Хасанский район (муниципальное образование в составе Приморского края) – Хуньчунь (город уездного значения в составе ЯКАО в составе провинции Цзилинь). Учитывая, какое внимание китайскими партнерами уделяется вопросам статуса и субординации, нарушение принципа соответствия уровней иерархии при осуществлении делегационного обмена сказывается на эффективности реализации некоторых инициатив российских регионов.

В-третьих, практика, согласно которой руководящие кадры регионов подвержены постоянной ротации (причем, действует «сквозной» механизм ротации, объединяющий движение как по партийной, так и административной линии). В России такая ротация

¹ Так как на низовом уровне не формируются органы государственной власти – собрания народных представителей – согласно китайской терминологии, он не включается в число уровней административно-территориального деления.

в силу условности процедуры выборов главы региона отсутствует или имеет непредсказуемый характер. Так, за период нахождения на посту губернатора Приморского края С. Дарькина (2001-12 гг.) провинцией Хэйлунцзян управляли по четыре различных партийных секретаря (Сюй Юфан: 1997-2003, Сун Фатан: 2003-05, Цянь Юньлу: 2005-08, Цзи Бинкуй – 2008-13 гг.) и губернатора (Сун Фатан: 2000-03, Чжан Цзои – 2003-07, Ли Чжаньшу – 2007-10, Ван Сянькуй – 2010-13 гг.), а провинцией Цзилинь – три различных партийных секретаря (Ван Юнькунь: 1998-2006, Ван Минь: 2006-09, Сунь Чжэнцай: 2009-12 гг.) и четыре губернатора (Хун Ху: 1998-2004, Ван Минь – 2004-06, Хань Чаньбу: 2006-09, Ван Жулинь: 2009-12 гг.). Столь частая смена действующих лиц с китайской стороны приводит к тому, что установление личного контакта руководителей, необходимого с точки зрения, как российской, так и китайской политической культуры, затрудняется.

В-четвертых, для китайских регионов характерно наличие административных единиц с особым статусом, не вписывающимся в классическую, установленную Конституцией, схему административно-территориального деления – например, городов субпровинциального и субокружного значения (Зуенко, 2012), а также специальных территорий, обладающих различными преференциями, направленными на привлечение иностранного капитала и расширение объемов экспортного производства, что обуславливает некоторую автономию местных властей в принятии управленческих решений (Александрова, 2005, стр. 10; Иванов, 2014, стр. 140).

В целом, согласно оценкам экспертов, в настоящий момент, несмотря на формально федеративное устройство в России и унитарное устройство в Китае, местные власти в КНР обладают большей автономией по сравнению с Россией, в особенности в сфере развития международного сотрудничества и выдвижения инициатив, касающихся трансграничных проектов – столь же амбициозных, сколько и нереализуемых. По мнению дальневосточного исследователя С.А. Иванова, «в России приграничные районы не имеют преференций в приграничном сотрудничестве и не участвуют в распределении материальных ресурсов, получаемых с границы (таможенные и административные сборы). Российский полюс системы приграничного сотрудничества рассчитан на максимальный

контроль трансграничных потоков из Центра и не предполагает использования международных связей в качестве существенного драйвера региональной экономики, что неизбежно приводит к снижению региональной активности в международных делах» (Иванов, 2011, стр. 150).

Для Китая же, напротив, оказывается характерна ситуация, при которой руководители приграничных районов, оказавшиеся на своих должностях в результате применения механизма ротации и рассчитывающие на скорый перевод дальше по карьерной лестнице, заинтересованы в том, чтобы в сжатые сроки (2-3 года) показать максимальный результат по тем направлениям, которые декларируются Центром в качестве приоритетных – в том числе по региональному сотрудничеству. Стремление к имиджевому, формальному результату без реальной заинтересованности в плодах того или иного проекта (их будет «пожинать» сменщик), приводит к тому, что многие инициативы китайских регионов иначе как «имитацией бурной деятельности» назвать нельзя.

С китайской стороны имеет место и регулярная «дезинформация» Центрального правительства о состоянии приграничного сотрудничества. Это объясняется не только наличием коррупционной составляющей во взаимодействии местных властей и контролирующих органов, но и описанным выше мотивом продвинуться выше в рамках ротации руководящих кадров. Анализ данных о карьерном продвижении местных руководителей уездного и окружного уровня показывает, что руководители, назначенные в центры приграничного сотрудничества и способные за время своего пребывания на посту повысить формальные показатели трансграничной активности, получают более привлекательные новые назначения (Иванов, 2011, стр. 149). Стремление не портить отчетность плохими результатами можно проследить на примере годовых докладов правительства провинции Хэйлунцзян, в которые включается информация о торговле с Россией только тогда, когда все ее показатели «в росте» (Иванов, 2011, стр. 151). Кроме того, учитывая политику поощрения регионов, успешно «сотрудничающих» с зарубежьем, «дезинформация» Центра позволяет местным властям требовать от Пекина особых льгот и преференций, часто никак не связанных с международным сотрудничеством или завуалированным под него. По мнению С.А.

Иванова, опыт многих ориентированных на Россию промышленных и торговых зон в провинции Хэйлунцзян показывает, что они часто используются не для сотрудничества с РФ, а как обычное средство развития региональной промышленности (Иванов, 2011, стр. 150). Понимание этих особенностей деятельности властей китайской периферии также является ключом к объяснению низкой эффективности реализации трансграничных инициатив.

Кроме того, при оценке эффективности той или иной директивы Центра (например, экономической стратегии «идти вовне») необходимо учитывать, что для Китая характерен сплав интересов партийно-административной элиты и крупного бизнеса. Практика показывает, что в тех случаях, когда конкретное применение директивы Центра вредит коммерческим интересам местной элиты (например, в плане защиты окружающей среды или патентного законодательства), они реализуются с трудом или же вообще саботируются (Bergsten&others, 2009, p. 76).

Безусловно, огромное значение имеют традиционные для китайской культуры способы ведения дел, включающие обязательность личного контакта, приоритет личных договоренностей перед формальными, внимание к церемониальной стороне ведения переговоров. Составными частями подобного – строго необходимого! – церемониала являются: вручение подарков по случаю знакомства, встречи, в некоторых случаях даже проводов (зачастую, помимо официальных подарков, практикуются личные, которые вручаются лицам, с которыми поддерживаются неформальные отношения), совместный приём пищи, традиционные для китайского этикета знаки внимания при обмене визитками, обеде, проведении досуга. При осуществлении деловых контактов финансовый вопрос, как правило, не ставится: прием делегаций, проживание и в некоторых случаях даже оплата транспорта производится за счет принимающей стороны.

В настоящий момент можно констатировать, что для российской стороны при выстраивании сотрудничества с китайскими партнерами не хватает понимания описанных выше специфических особенностей, что, на наш взгляд, приводит к следующим проблемам:

Наличие договоренностей с администрацией китайской территории (равно как и с отдельными ее представителями или же лицами, позиционирующими себя как «влиятельные персоны,

способные лоббировать те или иные интересы на самом высоком уровне») не гарантирует их реализации в случае, если они не будут согласованы с партийным руководством.

Сотрудничество часто осуществляется на уровнях административно-территориального деления, не соответствующих друг другу, что является препятствием для выстраивания стройной системы регионального сотрудничества, делает двухсторонними контакты несистемными, во многом случайными и субъективными.

В рамках существующей в России системы принятия властных решений многие инициативы китайской стороны обречены на провал в силу неготовности российских властей пойти на действия, противоречащие установкам общественного мнения, в целом настроенного по отношению к Китаю алармистски, а также по причине необходимости длительного согласования с инстанциями в федеральном Центре.

Регулярно допускается ряд ошибок и просчетов, связанных с церемониальной стороной организации международных мероприятий (отсутствие или недостаточно привлекательный вид подарков, неправильная рассадка китайских гостей в ходе переговоров и банкетов, непонимание отдельных культурных особенностей).

На практике мы видим также, что важное значение имеет и личный фактор. Так, в период «губернаторства» в Приморском крае С. Дарькина (2001-12 гг.) сотрудничество с северо-восточными провинциями КНР осуществлялось регулярно, в т.ч. и посредством визитов Дарькина в Хэйлунцзян и Цилинь. В то же время отмечается тенденция, согласно которой для раннего периода его «губернаторства» более активно развивались связи с Хэйлунцзяном, а для позднего – с провинцией Цилинь. Анализ данных показателей позволяет предположить наличие субъективного фактора, связанного с отношениями первых лиц регионов, поскольку объективных предпосылок для резкой смены вектора международной активности Приморского края не имеется.

Следующий губернатор В. Миклушевский, являясь ставленником Москвы и будучи, очевидно, ориентированным, прежде всего, на развитие связей с федеральным Центром, сотрудничеству с Китаем уделяет значительно меньше внимания. В первую очередь, это касается личных контактов (посредством визитов в КНР и приема китайских делегаций). За время нахождения

на посту главы региона (с 2012 г.) губернатор посетил Китай только однажды (июнь 2014 г., участие в 1-м российско-китайском ЭКСПО). Учитывая, что для китайских партнеров важен паритет при осуществлении контактов, столь низкая делегационная активность была расценена как «недостаток интереса», следствием чего явилась деградация трансграничного диалога, стагнация имеющихся совместных проектов и отсутствие новых, при том, что китайская сторона готова предпринимать действия, направленные на развитие сотрудничества с Россией уже и в одностороннем порядке.

При этом, следует заметить, китайская сторона также проявляет непонимание российских реалий. Во-первых, многие из вышеозначенных «ошибок» характерны и для китайцев. Во-вторых, побочные эффекты применяемой в КНР ротации руководящих кадров приводят к тому, что руководителей приграничных регионов мыслят с позиций временщика, склоны к «имитации бурной деятельности» вместо системной, нацеленной на перспективу работы. Ориентация на достижение формальных, а не фактических результатов, имитация регионального сотрудничества вместо желания разобраться в причинах неэффективности трансграничного диалога и скорректировать свои действия, является общей проблемой бюрократических систем по обе стороны границы.

Заключение

Как видно, многие из описанных проблем имеют системный характер и не могут быть решены в краткосрочной перспективе. При существующих в России и Китае политических режимах крупные проекты могут быть реализованы только, если их инициатива исходит от властных инстанций и только после согласования с бюрократическими структурами, как на субнациональном, так и национальном уровнях. Кроме того, развитие регионального сотрудничества двух стран становится заложником объективной разности устройства органов власти в двух странах, которое, по всей видимости, сохранится и в будущем.

Однако, ввиду реализации целого ряда амбициозных установок российского правительства по обеспечению опережающих темпов социально-экономического развития восточных регионов России, следует ожидать очередного витка активизации трансграничного сотрудничества сродни тому, что наблюдался в первой половине

1990-х годов. Для того, чтобы «количество» делегационной активности наконец переросло в «качество», под которым следует подразумевать реализованные двухсторонние проекты, следует внедрить в подготовку чиновников различные образовательные программы, связанные с изучением органов власти и управления страны-партнера, а, кроме того, возможно, и применить беспрецедентные ранее меры, которые позволят властям по обе стороны границы лучше *понять* друг друга. Без этого понимания, по нашему мнению, реальное повышение эффективности трансграничного сотрудничества невозможно.

В качестве подобных мер можно предложить следующее:

1. Распространить эксперимент китайских властей по привлечению в профильные подразделения народных правительств граждан России и на российские органы власти – то есть привлекать для работы на китайском направлении граждан Китая, владеющих русским языком. Подобная практика с 2013 года реализуется в Хуньчуне, где при Народном правительстве создан Центр по работе с иностранными партнерами, в персонал которого приглашен сразу ряд граждан России из числа выпускников китайских вузов, то есть лиц, владеющих двумя языками и знаниями о поведенческих и культурных особенностях двух сторон. Следует отметить, что иностранцы привлекаются в качестве переводчиков и специалистов по международному сотрудничеству и в японских муниципальных органах.

2. Внедрить практику проведения стажировок сотрудников органов власти и управления двух стран в учебных заведениях другой стороны с ознакомительными занятиями по специфике работы в органах власти страны-партнера.

Библиографический список:

Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996.

Bergsten, F.C. & Freeman, C. & Lardy, N.R. & Mitchell, D.J. (2009) *China's Rise: Challenges and Opportunities*. Washington: Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies, 2009. – 269 p.

Dear, M. & Burrige, A. (2005) *Cultural Integration and Hybridization at the United States-Mexico Borderlands*. *Cahiers de Geographie du Quebec*, 49/138, 301-318.

Metcalf, B. & Metcalf, T. (2006). *A Concise History of India*. Cambridge University Press, 400 p.

Александрова, М.В. (2005) *Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ*. М.: Издательство "ОГНИ", 2005. – 262 с.

Гудошников, Л.М. (1988) *Государственный строй Китайской Народной Республики*. М.: Наука, 1988. – 232 с.

Егоров, К.А. (1993) *Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е годы)*. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 208 с.

Зуенко, И.Ю. (2012) О статусе городов субпровинциального значения в КНР. *Россия и АТР*. 2012. № 2. С. 145-153.

Иванов, С.А. (2011) Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации. *Россия и АТР*. 2011. №2. С. 143-153.

Иванов, С.А. (2014) Особые экономические зоны в Китае: уроки для дальневосточной политики. *Россия и АТР*. 2014. № 4. С. 129-141.

Кондрашова, Л.И. (2008) Реформа административно-территориального устройства КНР. *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 1. С. 70-81.

Ларин, В.Л. (2011) Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI века: избранные статьи и доклады. – Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН, 2011. – 216 с.

Ларин, В.Л. (2014) Тихоокеанская Азия в российско-китайских отношениях: затянувшееся ожидание прорыва. *Россия и АТР*. 2014. №3. С. 5-21.

**BUREAUCRACY AT FRONTIER: THE PROBLEM OF REGIONAL
GOVERNMENTS EFFECTIVENESS IN SINO-RUSSIAN RELATIONS**

Zuenko I. Yu.

Zuenko Ivan Yurievich, Institute of History, Archaeology and Ethnography of People of Far East of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 690001, Vladivostok, Pushkinskaya Street, 89. E-mail: ivanzuwei@gmail.com

Modern theories of globalization provide an idea of borderlands as a place where cultural and political spaces “blend”. The majority of relevant concepts are based on the studies of the USA-Mexico border. However an interaction between Russian and Chinese border areas demonstrates a different example that contradicts the aforementioned theories. Despite a considerable length of common border and a long history of cross border contacts the phenomenon of cultural and political “melting” is not typical here. The article deals with the problem of local governments’ activity in cross-border area of Russia and China, which is the mainstream of Sino-Russian regional cooperation. Being under the pressure of political practices in centralized state and motivated to develop mutual activity of subjects with different civilization code, the local bureaucracy tries to coordinate their decisions with the Center at the cost of neglecting trans-border relations. They don’t trust their ‘partners’ and balancing between risks and opportunities they prefer to make accent on risks. It results in both sides not taking into account specific characteristics of their partners, the specifics of communication and business culture, tend to make proposals without considering partners’ interests. Thus, the local authorities of both countries exercise their activity with no mutual understanding. This explains the low effectiveness of present Russian-Chinese regional cooperation that doesn’t fit the level of ‘strategic partnership’ between Moscow and Beijing.

Keywords: Russia, China, borderlands, frontier, bureaucracy

References:

Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1996.

Bergsten, F.C. & Freeman, C. & Lardy, N.R. & Mitchell, D.J. (2009) *China's Rise: Challenges and Opportunities*. Washington: Peterson Institute for International Economics, Center for Strategic and International Studies, 2009. – 269 p.

Dear, M. & Burrige, A. (2005) *Cultural Integration and Hybridization at the United States-Mexico Borderlands*. *Cahiers de Geographie du Quebec*, 49/138, 301-318.

Metcalf, B. & Metcalf, T. (2006). *A Concise History of India*. Cambridge University Press, 400 p.

Alexandrova, M.V. (2005) *Economic cooperation between regions of Russia and China in the reforms era*. Moscow, Ogni Publishing House. 262 p.

Gudoshnikov, L.M. (1988) *The state regime in Peoples' Republic of China*. Moscow, Nauka. 232 p.

Egorov, K.A. (1993) *Peoples Republic of China: political system and political dynamics (1980s)*. Moscow, Nauka. 208 p.

Zyenko, I.Yu. (2012) *About subprovincial level cities in PRC*. *Rossiia i ATR*. 2012. № 2. P. 145-153.

Ivanov, S.A. (2011) *Activity of subnational governments in cross-border cooperation of Russia and China: containments and the problem of motivation*. *Rossiia i ATR*. 2011. №2. P. 143-153.

Ivanov, S.A. (2014) *Specific economic zones in China: lessons for Far Eastern politics*. *Rossiia i ATR*. 2014. № 4. P. 129-141.

Kondrashova, L.I. (2008) *Reform of administrative divisions system in PRC*. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2008. № 1. P. 70-81.

Larin, V.L. (2011) *Pacific Russia at the context of foreign politics and international relations in Asia Pacific*. Vladivostok, IHAE FEB RAS 216 c.

Larin, V.L. (2014) *Pacific Russia in Sino-Russian relation: waiting for the breakthrough*. *Rossiia i ATR*. 2014. №3. P. 5-21.

**«РАЗРУШИТЕЛЬНИЦА ЦАРСТВ» И ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ. ОБРАЗ
СИШИ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ.**

Саракаева А.А.

Саракаева Ася Алиевна, Хайнаньский государственный университет,
КНР, 570228, провинция Хайнань, город Хайкоу, район Мэйлань, остров
Хайдяньдао, ул. Народный Проспект. Эл. почта: asia-lin@mail.ru

Статья посвящена анализу образа Сиши, знаменитой красавицы древности, в культуре Китая в наши дни. Автор рассматривает содержание легенды о Сиши, различия в традиционном и нынешнем прочтении ее образа и способы его коммерческой эксплуатации, и на основе этого приходит к заключению о том, какие функции данный образ играет в культуре современного потребительского общества.

Ключевые слова: Сиши, «четыре красавицы древности», общество потребления, монетизация истории, гендерные стереотипы.

Китайцы обожают каталоги. Каталогизации подвергаются все сколько-нибудь значимые явления природы и культуры: стихии («пять элементов»), религиозно-нравственные и философские трактаты («Четверокнижие» и «Пятикнижие»), художественные произведения («четыре великих романа»), выдающиеся деятели культуры (например, «три Цао», «семь мудрецов Цзяннани», «четыре великих эрудита») и проч. На этом фоне не удивительно, что подобный каталог был составлен и для знаменитых красавиц прошлого. В него вошли четыре женщины: Сиши, Ван Чжаоцзюнь, Дьяо Чан и Ян Гуйфэй. Две из них, Сиши и Дьяо Чан, уже в древности стали героинями не только народных легенд, но и крупных прозаических произведений, их истории имеют крепкую фабулу, а образы – некоторую психологическую прорисовку. И потому именно эти истории стали объектом постоянных пересказов, к ним обращались литература, фольклор, живопись, театр и кинематограф. Они, особенно Сиши, и до сих пор остаются очень востребованными образами в китайской культуре.

Самое раннее упоминание о Сиши можно найти в труде философа эпохи Борющихся царств Чжуан-цзы. Впрочем, из его

текста явствует только то, что Сиши была знаменитой красавицей, какие-либо факты ее биографии отсутствуют (Чжуан-цзы, 2013, стр.41). В развернутом виде история Сиши первый раз излагается в труде ханьского историка и литератора Чжао Е (?-83г.) «Весны и осени У и Юэ». Название «Весны и осени» отсылает читателя к одноименной хронике царства Лу, в редактировании которой принимал участие Конфуций, а также к знаменитому компендиуму 230-240 гг. до н.э. «Весны и осени господина Люя». Таким образом Чжао Е заявляет, что его книга – хроника или создана на основе хроник, однако сам характер повествования, насыщенного диалогами, изобилующего чудесами и приключениями, заставляет рассматривать это произведение скорее как исторический роман, в котором, в лучшем случае, были использованы народные легенды или какие-то недошедшие до нас источники (Чжао Е, 2008). И, тем не менее, история Сиши с тех пор приобрела широкую известность, стала восприниматься как установленный исторический факт, и даже получила несколько альтернативных концовок.

Не отвлекаясь на подробный анализ происхождения этой легенды, вкратце изложим ее основную канву.

В V в. до н.э. государство Юэ, расположенное на территории нынешних провинций Чжэцзян и Фуцзянь, потерпело сокрушительное поражение от своего северного соседа и геополитического противника – княжества У. Юэский князь Гоуцзянь был вынужден пойти на позорную капитуляцию и даже провел три года в рабстве в У.¹ Вернувшись оттуда, он с помощью своего мудрого министра Фань Ли приступил к восстановлению военно-экономического потенциала своей страны, чтобы отомстить за позор. Одним из способов ослабить У стала отсылка ускому князю в подарок юэских наложниц, для чего по всему Юэ начали отбирать самых красивых девушек. В их числе в У была отправлена и собственная наложница (или невеста) Фань Ли, красавица Сиши. Уский князь Фучай полюбил ее без памяти и ради нее стал пренебрегать делами войны и управления, отдалил от себя верных министров, построил для ее развлечения дворец Гусутай, истратив на это огромные деньги и подорвав экономику своей державы. В результате неустанных трудов Гоуцзяня, а также подрывной

¹ См. Иллюстрацию 1. Скульптура Гоуцзяня в музее г. Уси. Фото автора.

деятельности Сиши, У ослабло, и Юэ смогло его победить и аннексировать. Фучай покончил с собой. Что до Сиши, то по наиболее распространенной легенде, выполнив свою миссию, она вернулась к своему первому мужу Фань Ли, и вместе они оставили Юэ и государственную службу вообще, сели на лодку и уехали, чтобы наслаждаться свободой и любовью.

Впрочем, альтернативные концовки сюжета более трагичны. Согласно одной из них, Сиши не могла вернуться к Фань Ли, поскольку она, хоть и не по своей вине, не сохранила ему верности. Или, возможно, за 17 лет брака с Фучаем она полюбила уского завоевателя, не захотела его пережить и покончила с собой. Другой финал еще мрачнее: Сиши вернулась в Юэ, но Гоуцзянь или его жена сочли, что эта женщина слишком опасна – она уже погубила одно царство, может погубить и другое. Поэтому они приказали утопить красавицу в озере.

В любом варианте, традиционная культура рисует Сиши как прекрасную, умную и верную патриотическому долгу женщину, ценный инструмент или даже союзницу в политической борьбе, «разрушительницу царств», которую много лет преданно любили два таких незаурядных человека как Фань Ли и Фучай. Однако современная культура трансформирует этот образ в соответствии с собственными ценностями и потребностями.

В современном Китае, на юге, в частности, но и в общекитайской культуре в целом, образ Сиши эксплуатируется очень активно. Она везде: на сувенирной продукции, в виде статуй – на туристических достопримечательностях, в музеях, в живописи, в развлекательной литературе и кинематографе. Сама частотность этого образа заставляет предполагать, что он не просто является данью традиции, включившей некогда Сиши в список четырех самых прославленных красавиц китайской истории, он и сейчас играет какую-то важную роль в современной культуре Китая.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, в современном мире верная возлюбленная и роковая шпионка Сиши встроена в культуру потребления, и именно в рамках потребительской культуры, ее укрепления и воспроизведения, этот образ и обрел свою новую жизнь.

Ее первая и наиболее прямая функция в потребительском обществе есть капитализация исторической памяти и романтических

чувств населения. Всем известен маркетинговый принцип “sex sells”, но «продавать» может и романтика, именно поэтому зеркала и пудреницы, веера и шкатулки с изображением Сиши продаются лучше, чем украшенные просто какими-то анонимными девичьими лицами. Ведь в этом случае покупатель приобретает не только эстетическое переживание, он покупает еще и историю великой любви¹. По той же логике статуи и ростовые куклы Сиши размещаются на туристических объектах, заметно повышая их рентабельность². Мы, к сожалению, не обладаем цифрами, позволяющими оценить конкретные доходы туристической отрасли от эксплуатации образа юэской красавицы, но косвенно об этом свидетельствует тот факт, что, приглашая гостей на объекты, имеющие, в числе прочих, статуи Сиши, турфирмы всегда находят для ее статуй место в своих рекламных буклетах.

К тому же, в отличие от безделушек с портретом Сиши, туристические объекты монетизируют не одну лишь романтическую чувствительность, но и присущую современному обществу тягу к своим корням, жажду подлинности. Они, как например, озерные парки Юаньтоучжу и Лиюань в Уси и Сиху в Ханчжоу, претендуют на то, что имеют некое отношение к подлинной биографии Сиши, приглашая посетителей походить по тем местам, где некогда гуляла легендарная красавица, полюбоваться теми же пейзажами, преодолеть время с помощью пространства. Обман здесь состоит в том, что, во-первых, само существование Сиши совершенно недостоверно, во-вторых, если бы она и жила когда-то, то ее персональная история никак не пересекается с территориями Уси и Ханчжоу, в которых она, в лучшем случае, могла бы побывать проездом³. Но современных туристов это не смущает: не имея возможности (да и желания) окунуться в подлинную, трудную, противоречивую и непарадную историю своей страны, они довольны тем, что по цене входного билета приобретают чувство сопричастности гламурному варианту прошлого. Так что феномен всех этих «озер Сиши» и «садов Сиши» объясним с помощью парадокса, описанного Бодрийяром: «...такой жажде подлинности

¹ См. Иллюстрацию 2. Сувенирное зеркало с изображением Сиши. Фото автора.

² См. Иллюстрацию 3. Статуя Сиши в парке Лиху в г. Уси. Фото автора.

³ См. Иллюстрацию 4. Ростовые куклы Фань Ли и Сиши на лодке в парке Юаньтоучжу на озере Тайху в г. Уси. Фото автора.

способна удовлетворить одна лишь контрафакция» (Бодрийяр, 2001, стр.64).

Вторая, не столь очевидная, функция образа Сиши в культуре потребления – это поддержание и трансляция самой этой культуры. Для истолкования данного тезиса вновь вкратце обратимся к различию образов Сиши в традиционном сознании и в современном прочтении. Для китайского менталитета имперского периода Сиши была, в первую очередь, роковой женщиной, разрушительницей царства, опасным и эффективным оружием в политической борьбе:

碧玉生苍海, Лунный свет окрашивает волны

清辉方古同。Ослепительное сияние льется со всех сторон

还疑美人化, Несомненно красавица

夜夜入吴宫 Входит ночь за ночью в узкий дворец (Сун Эрчжун, 2011, стр.85).

В этих строках автор порицает слепую влюбленность Фучая в Сиши, побуждавшую его оставить достойные занятия и предаваться ночи напролет любовной неге, и посылает предупреждение новым поколениям власть предержащих.

Разумеется, красота Сиши и трагизм ее судьбы вызывали сочувствие читательской аудитории, так что поэты древности находили нужным оправдывать героиню перед судом истории:

家国兴亡自有时, Расцвет и падение царств имеет свой срок

吴人何苦怨西施。За что же усцы винят Сиши?

西施若解倾吴国, Если Сиши погубила царство У

越国亡来又是谁。То кто, скажите, разрушил Юэ? (Луо Инь, 2011, стр.66).

Но чаще всего на первый план выходила не сама Сиши с ее любовными приключениями, а то морально-политическое предупреждение, которое она посылала мужчинам: не следует увлекаться женской красотой, не следует расточать на женщину материальные ресурсы, нельзя позволять чувству влиять на принятие важных решений. Вот, к примеру, отрывок из стихотворения минского поэта Мин Цайшэна, сюжет которого навеян видами озера

Мэйлян (западного участка озера Тайху), по которому, по преданию, странствовала знаменитая красавица:

君不见越献西施来

Государь не понял, что юэсцы преподнесли ему Сиши (с умыслом)

吴做姑苏台

В царстве У для нее возвели башню Гусутай

民疲越入姑苏颺

Народ был изнурен, юэсцы завоевали страну, и рухнула башня Гусу (Мин Цайшэн, 2011, стр.78)

Современная же культура в многочисленных романах и сериалах на данный сюжет полностью игнорирует эти предупреждения, и даже напротив, прославляет человека, воспринимающего любовь как высочайшую ценность. Эти идеи царят и в научно-популярных книгах, и в статьях и монографиях китайских историков:

«Фань Ли ради приютившего его государства Юэ пожертвовал любовью, сделал из Сиши, своей «подруги сердца», «губительную воду» - соблазнительницу-шпионку и преподнес ее Фучаю. А Фучай? Умирая, он не просил ни о чем своих победителей, лишь о том, чтобы ему было позволено ценой своей жизни купить жизнь и свободу Сиши. Столь велика была его любовь к этой женщине! Эта безумная любовь давно уже завоевала сердце Сиши. Она не захотела оставаться в мире живых с Фань Ли, но последовала за Фучаем в могилу. Их великая любовь снискала уважение потомков» (Ван Маолун, 2011, стр.57-58)¹.

Современный китайский автор, сравнивая мужчин в жизни Сиши, утверждает, что Фань Ли не был настоящим героем, ведь он использовал девушку и ее чувства к нему в своих политических целях. Напротив, уский князь Фучай героем был, потому что он очень ценил Сиши и относился к ней ответственно:

«Она горячо любила Фань Ли. Но он, трезвый и прагматичный, был из тех что «строят свою победу на десяти тысячах костей». И даже нежно любящую его Сиши он превратил в шпионку, в оружие

¹ См. Иллюстрацию 5. Скульптура уского Фучая в музее г. Уси. Фото автора.

гибели усского князя. Не таков Фучай: с тех пор, как она вошла в его дворец, прошло 17 лет, но не ослабла его великая к ней любовь. Даже перед смертью он заботился не о себе, но о Сиши, он хотел отослать ее назад в Юэ, чтобы она не пострадала безвинно. Такова была его безграничная, бескорыстная, чистая любовь! Из них двоих, кто же настоящий герой? Сердце женщины сделало свой выбор....» (Ван Маолун, 2011, стр.99-100).

Оставим на совести автора не подкрепленные ни одним источником утверждения о попытках гибнущего усского князя спасти Сиши. Важно, что в этих пассажах, как и во многих им подобных, щедро рассыпанных по страницам современных китайских исторических сочинений, супружеские отношения, их серьезность и глубина, уже становятся мерилom всей человеческой значимости и степени героизма мужчины.

Итак, если не ее способность разрушать царства и не ее политическая роль, то что же значимо в образе Сиши для наших современников? Мы полагаем, что подлинной значимостью обладают лишь три взаимосвязанных элемента: крестьянское происхождение Сиши; ее непревзойденная красота; преданная любовь, которую испытывали к ней могущественные и высокопоставленные мужчины. На выходе получается, если можно так выразиться, универсальный женский миф – история Золушки, которая благодаря своим врожденным качествам, и ничего особо для того не делая, поднялась из самых низов к богатству и процветанию.

В течение нескольких десятилетий господства коммунистической идеологии в Китае женщины нормативно воспринимались и прославлялись за то, что они

«Самолеты ведут мужчин не хуже

Или на поле выводят трактор» (Вэнь Цзе, 2002, стр.200).

Однако, с наступлением периода открытости, с бурным ростом экономики и формированием общества потребления, происходит заметная архаизация гендерного сознания. В мужчине начинает преимущественно цениться его богатство и высокое общественное положение, в женщине – красота и молодость. Отсюда огромное количество романов, фильмов и сериалов про золушек. Разумеется, главные герои этих формульных произведений искренне и самоотверженно любят друг друга, но при этом жесткие гендерные требования никогда не нарушаются. Героиня всегда красавица, если

же она нехороша собой в начале фильма, то можно быть уверенным, что в конце произойдет чудо, и она похорошеет. Аналогично герой всегда принадлежит к верхним стратам общества, даже если по какой-либо причине он выдает себя за простого рабочего или студента. Как вариант – он может быть юношей из бедной семьи, но потом окончит Гарвард, найдет престижную работу, и к моменту заключения брака будет – как это и предписано гендерной иерархией – состоятельнее героини. Биография Сиши, сама по себе несводимая к истории удачного замужества, имела, тем не менее, несколько точек пересечения с описанной фабулой, и потому была переосмыслена и инкорпорирована в этот культурный шаблон. Теперь, как и другие сюжеты в рамках шаблона, она выполняет в культуре потребления нормативную функцию, рассказывая новым поколениям молодых китайцев, какой должна быть женщина, какого рода успех для женщины возможен и желателен, к чему ей следует стремиться, чем она должна руководствоваться при выборе брачного партнера.

Анализируя историю Сиши, как она подается современными китайскими сериалами, мы обратили внимание на еще одну немаловажную тенденцию: из мотивации героини полностью пропадает чувство патриотизма. И это поразительно, учитывая, что авторы подобного рода произведений стремятся наделить своих главных героинь всеми возможными достоинствами и добродетелями. Например, ведущий литературный источник, «Весны и осени У и Юэ» реалистично сообщает, что, найдя красавиц Сиши и Чжendan в далеких деревнях, юэский правитель в течение следующих трех лет держал их в собственном дворце, обучая придворному этикету и искусствам (Чжао Е, 2008, стр.240). Но современные произведения на этот сюжет в большинстве случаев игнорируют эту деталь, у них Сиши, рожденная и воспитанная в крестьянской лачуге, от природы обладает изысканными манерами, книжной образованностью и аристократическим чувством собственного достоинства. К тому же она умна, добра, мила, отважна и альтруистична. При таком наборе качеств логично было бы ожидать от героини горячего сочувствия страдающей, униженной и разграбленной родине. Однако ни в одном из проанализированных нами восьми телесериалов на данный сюжет Сиши не соглашается участвовать в политической игре юэского князя и губить У ради свой

страны. Ее всякий раз подвигает на этот шаг исключительно и только любовь к Фань Ли и манипуляции Фань Ли или Гоуцзяня.

Мы полагаем, что отсутствие патриотических мотивов в деятельности Сиши не случайно, оно вполне согласуется с системой ценностей потребительского общества. Развлекательный кинематограф и литература как рупор господствующего в социуме типа культуры все больше сосредотачивают интересы индивидуума в сфере межличностных отношений и отвлекают его от активной деятельности в области надличностного – в политике, идеологии, религии, в общественных движениях. Здесь необходимо оговориться, что автор настоящей статьи вовсе не выдвигает конспирологическую теорию, согласно которой правительство Китая дает кинокомпаниям и издательствам сознательный заказ на формирование удобного для управления аполитичного гражданина. По сути дела, правительству и нет необходимости в подобного рода заказах – потребительское общество делает это само. Описанный Фуко феномен власти, растворенной в социальных отношениях, безо всякого руководства со стороны административных структур формирует желательный для данного общества тип личности, с характерными ценностями, аттитюдами и жизненными сценариями (Фуко, 1996, стр.238-268). Под влиянием этой дисперсной и вездесущей власти интересы современных китайцев все более сосредотачиваются на семье. В частности, в кино это проявляется в том, что действия героинь почти исключительно обуславливаются любовью к мужчине; что до мужских персонажей, то они весьма много говорят о благе государства и страданиях народа, но большая часть их значимых поступков и выборов тоже определяется любовью к женам и невестам. По этой же причине, как мы полагаем, из развлекательного кино практически исчезает дружба, ведь дружеские отношения, хоть и лежат еще в сфере межличностного взаимодействия, не основаны на семейных связях или сексуальной любви. Следовательно, содержанием совместной деятельности друзей не могут быть сами их отношения или труд на благо семейного коллектива, дружеское объединение несет в себе опасную возможность выхода за пределы межличностного, расширения за счет добавления новых членов и появления новых социально значимых целей, то есть – возможность перерождения в общественное движение.

Итак, суммируя все сказанное выше, мы можем утверждать, что культура потребительского общества активно эксплуатирует образ Сиши, чтобы, во-первых, монетизировать интерес публики к истории и к романтическим отношениям, а во-вторых, сформировать соответствующий социальному запросу тип личности, в особенности женской личности – сформировать женщину как потребителя и как предмет потребления.

Библиографический список:

王茂龙。绝代佳人西施 // 吴都阖闾古城。中卷。-南京：江苏人民出版社，2011，97-100 (Ван Маолун. Несравненная красавица Сиши // Древний город князя Хэлюя, столица царства У. Том 2. – Нанкин: Народное книгоиздательство провинции Цзянсу, 2011, Сс. 97-100).

王茂龙。一代雄主夫差 // 吴都阖闾古城。中卷。-南京：江苏人民出版社，2011，51-58. (Ван Маолун. Герой своего времени Фучай // Древний город князя Хэлюя, столица царства У. Том 2. – Нанкин: Народное книгоиздательство провинции Цзянсу, 2011, Сс. 51-58).

3.李文杨。泛舟五湖 // 吴都阖闾古城。中卷。-南京：江苏人民出版社，2011，175-177. (Ли Вэньян. На лодке через пять озер // Древний город князя Хэлюя, столица царства У. Том 2. – Нанкин: Народное книгоиздательство провинции Цзянсу, 2011, Сс. 175-177).

罗隐。西施 // 罗隐诗集：华宝齐版（一函二册）。-杭州：西泠印社出版社，2010. (Луо Инь. Сиши // Собрание стихов Луо Иня: издание драгоценных книг (футляр первый тетрадь вторая). – Ханчжоу: Издательство «Печать Силин» 2010).

明蔡昇。梅梁湖// 吴都阖闾古城。上卷。-南京：江苏人民出版社，2011，78 (Мин Цайшэн. Озеро Мэйлян // Древний город князя Хэлюя, столица царства У. Том 1. – Нанкин: Народное книгоиздательство провинции Цзянсу, 2011, С. 78).

孙尔准。湖夜。// 吴都阖闾古城。上卷。-南京：江苏人民出版社，2011，85. (Сун Эрчжун. Ночь на озере. // Древний город князя Хэлюя, столица царства У. Том 1. – Нанкин: Народное книгоиздательство провинции Цзянсу, 2011, С. 85).

赵晔。吴越春秋全译。贵州：贵州人民出版社，2008. (Чжао Е. Вёсны и осени У и Юэ. Полный перевод. Гуйчжоу: Гуйчжоуское народное книгоиздательство, 2008).

Бодрийяр Ж. Система вещей. - М: Рудомино, 2001.

Вэнь Цзе. Богиня луны Чанъэ мечтает вернуться в Китай // Поэзия и проза Китая XX века. О прошлом для будущего. - М: Центрполиграф, 2002, с. 200.

Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине. -М: Магистериум – Касталь, 1996, 238-268.

Чжуан-цзы. Чжуан-цзы. – СПб: Санкт-Петербург – XXI век, 2013.

**«THE DESTROYER OF KINGDOMS» AND THE CONSUMER SOCIETY.
XISHI'S IMAGE AND ITS FUNCTIONS IN THE PRESENT-DAY CHINESE
CULTURE.**

Sarakaeva A.A.

Sarakaeva Asia Aliевна, Hainan state University
China, 570228, Hainan province, Haikou city, Meilan district, isle of
Haidiandao, People's Avenue. Email:: asia-lin@mail.ru

The article analyses the image of Xishi, a famous beauty of Chinese history, and its representation in the present-day Chinese culture. The author explores the contents of Xishi legend, its traditional and innovative features, and the ways of its commercial usage, and based on this singles out the key functions of Xishi's image in the contemporary consumer culture.

Key words: Xishi, "the four great beauties of old", consumer society, monetization of history, gender stereotypes.

References:

王茂龙。绝代佳人西施 // 吴都阖闾古城。中卷。-南京：江苏人民出版社，2011, 97-100 (Wang Maolong. The Rare Beauty Xishi // Heilu's Ancient City, The Capital of Wu. Vol. 2. – Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2011, Pp. 97-100).

王茂龙。一代雄主夫差 // 吴都阖闾古城。中卷。-南京：江苏人民出版社，2011，51-58. (Wang Maolong. The Hero of the Generation, Fuchai // Heilu's Ancient City, The Capital of Wu. Vol. 2. – Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2011, Pp. 51-58).

李文杨。泛舟五湖 // 吴都阖闾古城。中卷。-南京：江苏人民出版社，2011，175-177. (Li Wenyang. Boating across Five Lakes // Heilu's Ancient City, The Capital of Wu. Vol. 2. – Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2011, Pp. 175-177).

罗隐。西施 // 罗隐诗集：华宝齐版（一函二册）。-杭州：西泠印社出版社，2010. (Luo Yin. Xishi // Luo Yin's Collected Poetry: Precious Books (volume 1 part 2). – Hangzhou: Xiling Publishing House, 2010).

明蔡昇。梅梁湖// 吴都阖闾古城。上卷。-南京：江苏人民出版社，2011，78. (Ming Caisheng. Meiliang Lake // Heilu's Ancient City, The Capital of Wu. Vol. 1. – Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2011, P. 78).

孙尔准。湖夜。// 吴都阖闾古城。上卷。-南京：江苏人民出版社，2011，85. (Sun Erzhu. Night at the Lakeside. // Heilu's Ancient City, The Capital of Wu. Vol. 1. – Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 2011, P. 85).

赵晔(2008)。吴越春秋全译。贵州：贵州人民出版社 (Zhao Ye. Spring and Autumn Annals of Wu and Yue. Full translation. Guizhou: Guizhou People's publishing house, 2008).

Baudrillard J. The System of Objects. - Moscow: Rudomino, 2001.

Wen Jie. The Moon Goddess Chang E Dreams of Returning to China // The XX Century Chinese Prose and Poetry. Speaking of the Past For the sake of the Future. - Moscow: Centerpoligraph, 2002, P. 200.

Foucault M. Lectures on the Will to Know. -Moscow: Magisterium – Castal, 1996, Pp. 238-268.

Zhuangzi. Zhuangzi. – Saint-Petersburg : Saint-Petersburg – XXI Century, (translated by L. Pozdeeva), 2013.

Приложение

(Иллюстрация №1)

(Иллюстрация №2)

(Иллюстрация №3)

(Иллюстрация №4)

(Иллюстрация №5)

**WINE ON THE ISLAND OF TYPHOONS: CULTURE OF WINE AND WINE
DRINKING IN A SOUTHERN CHINESE FRONTIER**

Sarakaeva E.A.

Sarakaeva Elina Alievna, Hainan state University
China, 570228, Hainan province, Haikou city, Meilan district, isle of
Haidiandao, People's Avenue. Email: 2689655292@qq.com

The article discusses the culture of wine brewing and wine drinking of the indigenous population that inhabit the most southern part of China – the Hainan Island.

The author suggests that the culture of wine and winemaking in China is the result of a cross-cultural dialogue in which various ethnic and social actors of China took part. Among most colourful of local wine cultures that enriched the world of Chinese wine are those of national minorities inhabiting the most southern territories of China – the Hainan Island

For the ethnical minorities that have been for centuries living on the island wine plays a very important role in their profane, everyday life, private and collective festivities and in their cults and religious ceremonies. Wine culture is closely intertwined with the spiritual life and ethnic self-awareness for the people of *Li*, *Miao*, *Yi*, *Tujia* and other islanders.

The article gives a brief introduction into the wine brewing technologies, traditional recipes and rituals of wine drinking of the Hainan people. Hainan ethnic minorities still sustain their own rich culture of brewing and drinking alcoholic beverages, the culture which relies heavily on the ecological conditions and natural resources of Hainan Island. The manner in which wine is used by these minority groups emphasises their core values, such as friendship, communal spirit and reverence of their elders and ancestors.

Key words: wine, wine brewing, Hainan Island, the *Li* people, the *Miao* people, rice wine, medicinal wines

The culture of wine and wine brewing in China is a complex multidimensional phenomenon that took its shape and form in the course of development of Chinese nation. The history of Chinese wine in many respects correlates with the history of China. Wine in China performs many functions, of which one of the most important is the communicative function –i.e. regulating social relations.

The culture of wine and winemaking in China is the result of a cross-cultural dialogue in which various ethnic and social actors of China took part. Although alcoholic products in China have their national specifics, yet alimentary cultural codes (of which wine brewing is a significant part) are comparable to cultural codes of other nations (Song, Yakushenkov 2015). In many respects Chinese wine culture developed within the main cultural patterns comparable to cultural traditions of other people. Chinese wine culture in the process of its formation absorbed winemaking technologies and various traditions of serving and drinking alcoholic beverages of many ethnical groups. Among most colourful of local wine cultures that enriched the world of Chinese wine are, as we believe, those of national minorities inhabiting the most southern territories of China – the Hainan Island, the land of wild tropical forests, rich flora and constant rains and typhoons.

Li (黎) minority are the autochthonic population of the Hainan island, the southern coast of China. The self-name of this ethnicity is *Hlai*, though the dominant Han people called them at different times “sai”, “say” and “liliao”. The common name *Li* refers to five ethnic groups Qi, Ha, Rui, Sai and Meifu. The DNA analysis shows that *Li* people belong to the *Yue* group (Peng et. 2011) that settled down in the South of China and is the major population of modern Vietnam. Some of these numerous tribes settled down in Guanxi province, some – in Zhejiang, where they formed a powerful *Yue* kingdom (Sarakaeva, Sarakaeva 2016). Other groups settled down at Hainan island thousands of years ago and became ancestors to modern *Li*, so the historical memory of *Li* people still connects them to *Yue*. For instance, according to local legends, the coconut palms appeared on the island as the fruit of self-sacrifice of the tribe chieftain, so a coconut palm is metaphorically called “The head of *Yue* king” (Li 2016, 45). The language they speak belongs to the *Hlai* branch of Kra-Dai language family of highly tonal languages found in southern China, northeast India and Southeast Asia.

Li are known for their rich and unique culture. Oppressed through centuries by Han conquerors they have been clinging and still cling tightly to their ancestral cultural heritage. Be it weaving techniques, cuisine, dancing and music, exquisite tattoos or complex taboos (Han 2012), embroidery or religion, the culture of *Li* has its bright recognizable idiosyncrasies shaped by the ancient system of beliefs and climatic conditions of the island of constant typhoons.

The influence of natural conditions and social factors gave birth to unique alimentary culture of *Li*, of which brewing and consuming wine is an indispensable part. The technology of wine brewing goes back to the primeval times and has been improved and perfected in centuries. The liquors produced by locals include rum, glutinous rice wine, rice beer, fruit wine, coconut wine, lychee wine, pineapple wine, sweet potato wine etc.

Wine plays a very important part in the daily life of *Li*, be they males or females, young or old. Wine is served during religious and seasonal holidays, during family reunions and celebrations, during funeral rites or at village banquets. The hospitality traditions are centred on wine - if a guest from afar comes to visit they are entertained with wine and are supposed to drink together with the hosts¹.

One of the most favourite types of wine is made of corn, of corn powder to be exact. Cooked rice is put into a pot together with corn powder, yeast is added and the pot is covered with a heavy cover. After half a month of fermentation, the wine is ready and can be used. This kind of wine contains a lot of corn starch; it has high percentage of alcohol. Therefore corn wine is considered not the best choice for the outsiders, those who are not used to traditional alcoholic beverages of *Li* people.

Wine made of glutinous rice symbolizes friendship, it has another name in the *Li* language meaning “bringing together, connecting” – the name which speaks for itself. This wine has yet another name - "the splendid wine of *Li* family". It is distinguished for its special flavour and specific production characteristics – sometimes eggs are added in the process of brewing. Glutinous rice wine is considered to have healing effects; the locals even recommend it to pregnant women, incredible though it may seem for western people.

In mountainous parts of the island wine is made of mountain berries. With wide variety of wild berries growing in the mountain forests the locals carefully select edible species and use them as raw material for wine. The most famous of this kind of wine is that made of sweet lychee that grows only in Hainan and the neighbouring Guangdong province across the sea straight. Fruit wine also is believed to have medicinal value.

¹ Picture 4. All the photographs are made by the author of the article.

Sweet wine is produced out of pumpkin (marrow squash) and bananas. Pumpkin mass is processed into powder and mixed with steamed glutinous rice, then the mass is fermented and brewed into delicious wine. Bananas used for brewing are not ripe, they are cut into slices, and then cooked dry, yeast is added which is by the way called “wine cake” in local dialects. The mixture is fermented in a jar for a month, until it turns into fragrant wine with distinctive banana odour. These kinds of wine naturally have even more starch and are considered “heavy”¹.

The same method is used when producing sweet potato and cassava wine. The difference between the two lies in the percentage of alcohol: the concentration of alcohol in sweet potato wine is not high; it has a strong sweet taste. The locals recommend it for drinking in hot weather. There is much alcohol in cassava wine; it is for those who can drink strong alcohol beverages.

Very famous is wine named after a local sort of orchid, *Oreorchis patens* (Lindl.). It is compared to “maotai”, a brand widely known in China and abroad for the best wine of China. Orchid wine is made of glutinous rice also called “orchid rice” fermented with yeast into honey-sweet wine. Apart from rice and yeast, orchid wine is brewed with a complex mixture of raw materials including leaf thorns, black cane, sweet peach, leaves of oranges, leaves of mountain ginger, sugarcane leaves, the epidermis of sassafras trees, jackfruit leaves etc. These leaves and plants are chopped into pieces and soaked in water for a few hours. Then the plants are removed and the resulting juice is mixed with glutinous rice and left there for two days. After that the dough is wrapped in ginger leaves and fermented at a certain temperature. Some more plant essences are added at certain intervals of time to accelerate the process of fermenting, until the mixture turns into wine with strong aroma and taste. This wine is believed to be good for blood and body nourishment, as it supplements the loss of “qi” energy (Ya 2014, 231). When entertaining guests a host serving this expensive wine manifests the best of his hospitality.

But the most famous, in fact legendary wine of *Li* people is the mysterious “buried wine” (藏酒). This wine, a little similar to French brandy by its taste, got its name because when fermented it is buried deep in the ground. The colour of this wine depends on how long it has been

¹ Picture 1

kept in the soil, it varies from the initial golden yellow into red then brown, and after 5 years turns into its final dark brown, almost black colour. Unlike French brandy kept in oak barrels the *Li* “buried wine” is preserved in ceramic jugs. Unlike orchid wine it doesn’t taste sweet, for the brewing takes longer and the whole process takes from 2 to 5 years. The resulting beverage tastes sour and has a very high alcohol percentage. Unlike other sorts of rice wines “buried” wine is considered dangerous, harmful when drunk in big quantities, so even elderly people, skilled at brewing and drinking alcohol, are cautious with it, some even avoid drinking it altogether¹.

In traditional culture of *Li* people “buried wine” was a ceremonial drink served at the funerals. And not just any funerals – it was drunk to commemorate the mercy and benevolence of ancestors deceased no less than hundred years ago! Thus, if an elderly person wanted to be remembered, hoped their spirit would enjoy sacrifices long after their death, they would brew this kind of wine and bury it in the ground for their descendants to unearth hundred years later. So the metaphoric name of “buried wine” in the *Li* language is 绕塞 *rao sai*, which means “the thing of filial piety for the funerals” (Ya 2014, 240). To make it possible one needs meticulous preparation – the jug with the wine is wrapped in a few layers of banana leaves so that insects don't get inside, the cover of the jug is also sealed with a few layers of clay. When the time for hundred-year anniversary of an ancestor comes, “buried wine” is dug up in a grandiose ceremony. A special altar is erected; the jug is placed carefully on it and opened with reverence. The moment the seal is broken the strongest aroma of wine fills the air. The insides of the jar is not actually liquid, it is tarn-black wine sediment (bard) glued tightly to the jug, that is to be melted into a drink.

Though “buried wine” enjoys a country-wide acknowledgment as a treasure of *Li* culture, intangible cultural heritage of Hainan, one of the “four best wines” of China, still its production and usage decline. People don't dare to drink it and are not willing to make it, so nowadays it’s hard to find this wine even in the remotest villages of the island.

Miao (苗) minority is an ethnic group the majority of which belongs to Miao-Yao linguistic family (also known as Hmong-Mien family) of Mon-Khmer linguistic tree. It should be noted though that this

¹ Picture 2

grouping of many small ethnicities under one common name, *Miao*, is an artificial initiative of Chinese authorities “to identify and classify minority groups, to clarify their role in the national government, including establishing autonomous administrative divisions and allocating the seats for representatives in provincial and national government” (Schein 1986, 73). In fact, some of the ethnic groups called “*Miao*” are probably even not either linguistically or culturally related, so they sometimes don't understand each others' languages. Self-names of various *Miao* groups are Hmong, Hmub, Xong and A-Hmao.

They mostly inhabit South China mountain areas, in the provinces of Guizhou, Hunan, Yunnan, Sichuan, Guangxi, Guangdong, Hubei and Hainan. Less than 1 % of all *Miao* people live in Hainan island, where they are the second most spread ethnic group.

Miao have a long history of political and social relations with the dominant Han nationality, mainly fierce battles for lands, resources, and later- for independence; battles that they would more often than not loose, but that gained them a reputation of a strong and bellicose ethnical group. During the famous *Miao* Rebellions of Ming dynasty thousands of *Miao* were killed and – no less horrible – mass castration of *Miao* boys took place. Yet some of the *miao* tribes chose to cooperate with the Chinese government, so it is mostly to them the Chinese applied their notorious classification of barbarians into “raw” (unfriendly) and “cooked” (loyal to the Chinese) (Yakushenkov, Yakuschenkova 2012). The “cooked” *Miao* tribes were sometimes used as warriors to pacify other ethnicities¹. Thus, when the Chinese government was worried about the *li* minority on the Hainan island they made the loyal *Miao* tribes move to the island with a distinct mission of subduing the rebellious *Li*. The conflicts between two ethnical minorities, *Li* and *Miao*, if there were any, are long forgotten by now and they coexist harmoniously sharing many similar traditions and habits².

Wine plays a very important part in *Miao* traditions which is reflected in numerous proverbs and saying like “eating meat is just feeling the taste of meat, drinking wine is feeling people's emotions” (Renqing 2008, 112). Wine is more important then dishes in a *Miao*

¹ S. Yakushenkov suggests that the very term “cooked” applied to an ethnical minority symbolically indicates that they are ready to be digested by mainstream Chinese civilization.

² Picture 3

banquet; if the host serves delicacies but the wine is poor, his hospitality is frowned upon, while the host who serves good and abundant wines, even if the dishes are simple and cheap, can be praised as a hospitable and lavish host who knows his duties.

The specific feature of *Miao* “wine ceremony” is passing wine in a circle, beginning from elderly people or guests of honour. The first one to start drinking is called “the one who holds wine” (Renqing 2008, 113), he would taste the liquor, express his admiration and pass it to the next guest who will drink it in his turn and pass the wine on. After everyone has drunk their wine, the second phase – “the reverse order” - will start. This time the wine goes backwards, each participant receiving the cup or bowl of wine is supposed to entertain the audience with a song or a joke. Drinking is obligatory at a *Miao* banquet, a guest who doesn't drink his full or – even worse- refuses to drink when his turn comes – he displays very bad manners and ultimately destroys the communion festivity. Drinking usually goes through night with toasts, songs sung in solo or chorus and jars of wine passed from hands to hands¹.

Traditional *Miao* wine is made of rice, its taste and technology of brewing is very close to that of the wine produced by the neighbouring *Li* and *Yi* people (Pan 1999). But the wine *Miao* people excel at that really strikes ones' imagination is medicinal wine made out of snakes.

Medicinal wine is not a novelty in China, nor is it known only to national minorities. Medicinal wines have always been considered an indispensable part of Chinese traditional medicine and were used “for treating and preventing diseases, promoting health and corporeity, and enriching people's restorative culture” (Xia 2011, 549). In different historical periods, Chinese medicinal wine differed in basic ingredients, medical applications, prescriptions, etc. There are many medical treaties and monographs dating from ancient times on Chinese medicinal wine, it's brewing and usage. There is a story originating from a treaty "Newly Revised Book on Medical Herbs" (本草新编) which is widely known in China: Once there were three people hurrying on a trip in the morning fog: one drinking wine, one eating meals, and one fasting. After they got to their destination, the one who was fasting died, the one who ate food was ill, but the wine drinker was well and sound (Chen 2008, 23). Wines were used as a solvent not only for extracting the pharmacologically

¹ Picture 5

active ingredients from drugs but also for keeping these ingredients active longer. Medicinal wines were applied not only orally, but also externally.

One of the most famous medicinal wines that *Miao* people produce is wine made of venomous snakes. *Miao* people breed snakes and use them to brew their unique “five snake wine” and “snake bladder wine”¹ which are drunk for medicinal purposes, chiefly for rheumatism and rheumatoid arthritis. Apart from snakes that are put into the bottle whole (usually without heads and guts), this sort of wine has a great number of plant ingredients. One of the recipes for the “five snake wine” includes, e.g., “Licorice, angelica, safflower, papaya, *Radix Polygoni Multiflori*, *Rhizoma imperatae*, etc., more than 20 kinds of rare medicinal herbs” (Chen 2014, 331) that are mixed in proportion 10 to 2 with snakes soaked in grain liquor. Snakes recommended for “five snake wine” are agkistrodon, *Bungarus multicinctus* (many-banded krait), cobra, zaocys and Indo-Chinese rat snake – all of them highly venomous species².

The authors of a collective monograph “Basic Prescriptions of Chinese Medicine of China” (1988, 61) give one more recipe: “Fresh black-tail snake (without head and viscera), fresh *Bungarus multicinctus* (without head and viscera), fresh cobra (without head and viscera), sargent gloryvine, *Clirnatiss finetiana Levi. et Vant*, root of Chinese climatis, ladybell root, hairy birthwort, *Parabarium micranthum Pier.*, vladimiria root, Chinese silkvine root bark, Chinese photinia, Sichuan aconiteroot, dried orange peel, rhizome of heracleum, achyranthes root, Chinese angelica root, sealwort, root of three-nerved spicebush, root of Dahurian angelica, *Celastrus orbiculatus*, rhizome of grass-leaved sweetflay, *Lycopodium clavatum*, mulberry mistletoe, wild aconite root, rhizome of *Ligusticum Chuanxiong*, cinnamon twig, Chinese cynomonium, licorice root, fruit of jujube, spirits”. This wine is prescribed when suffering from spasms, pain and numbness of muscles and bones and joint rigidity ; rheumatoid arthritis, rheumatic brachial plexus neuritis, etc .it is to be taken twice per day in 15ml doses, small children half the dose.

“Five snake wine” of *Miao* people is recommended for regular drinking “to balance the function of the human body, adjust the body's internal ecological environment, improve the body's immune function,

¹ Picture 7

² Picture 6

improve the vitality of the function, for skin nutrition and general disease prevention, treatment and health” (Renqing 2008, 113).

Thus, the Hainan ethnic minorities still sustain their own rich culture of brewing and drinking alcoholic beverages, the culture which relies heavily on the ecological conditions and natural resources of Hainan Island. The manner in which wine is used by these minority groups emphasises their core values, such as friendship, communal spirit and reverence of their elders and ancestors – both alive and dead.

References

- 陈士铎 (编者) (2008) 本草新编。北京：中国中医药出版社。
(Chen Shiduo (editor). Newly Revised Book on Medical Herbs. Beijing: The Publishing House of Chinese Medicine.
- 陈小双 (2014) 浅谈土家族的酒文化。青年与社会 Vol. 572 N. 26, Pp.331-332. 武汉：中南民族大学出版社，2014 (Chen Xiaoshuang. The wine culture of Tujia people. Youth and Society. Vol. 572 No 26. Pp. 331-332. Wuhan: the Publishing House of South China University).
- 韩立收 (2012)。查禁与除禁：黎族“禁”习惯法。上海：上海大学出版社。(Han Lishou. Imposing and removal of bans: "bans" in common law of li nationality. Shanghai: the Publishing House of Shanghai University)
- 李志云 (2016)。三亚市黎族民间故事汇编。三亚：三亚市群众艺术馆 / 三亚市非物质文化遗产保护中心。(Li Zhiyun. The collection of folklore of li nationality from the city of Sanya. Sanya: Museum of folk art of Sanya city / The Center of non-material cultural heritage protection of Sanya city)
- 潘正云 (1999)。凉山彝族酒文化探析。西南名族学院报。哲学社会学版。Vol.20 (Aug.1999), Pp. 3-6. (Pan Zhengyun. An analysis of the wine culture of Yi nationality in Liangshan. The Journal of Southwest College of nationalities. The Volume on Philosophy and Sociology No 20 (August 1999). Pp. 3-6).
- 仁青卓玛 (2008) 浅析苗族酒文化。酿酒 Vol.38 (Sep. 2008), Pp. 112-113.(Renqing Zhuoma. A brief analysis of the wine culture of Miao people. Wine brewing No 38 (September 2008), Pp. 112-113)
- 亚根 (2014)。黎族。北京：中国人口出版社 (Ya Gen. Li people. Beijing: The Publishing House of China's people)
- Basic Prescriptions of Chinese Medicine of China (1988), vol. 1. Hunan, 1988.

Peng Minsheng, He Jundong, Liu Haiixin, Zhang Yaping. (2011) Tracing the legacy of the early Hainan Islanders - a perspective from mitochondrial DNA. *Evolutionary Biology* N. 11 (46) 15th February 2011. Стр. 115-140. BioMed Central LTD.

Schein Louisa (1986). The Miao in contemporary China. In *The Hmong in transition*. Edited by Hendricks, G. L., Downing, B. T., & Deinard, A. S. Staten Island: Center for migration studies. Pp. 73-85.

Sarakaeva E.A., Sarakaeva A.A. (2016). Self-presentation of Southern China's Rulers in the Context of Frontier Cultural Interaction (Vth c. B.C.). *Journal of Frontier studies*. No 2 (2016-08-21), Retrieved from <http://frontierstudies.com>

Song Jie, Yakushenkov S.N. (2015) Cultural security and Factors of Development of National Alimental Culture. In *Caspian Region: politics, economics, culture*. No 4 (45), Pp. 247-253.

Xia Xunli. History of Chinese Medical Wine. *The Chinese Journal of Integrated Traditional and Western Medicine Press and Springer*. Verlag Berlin Heidelberg 2011, Pp. 549-555.

Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S. (2012) Barbarian Body: Construction of the Alien's Body on the Chinese Frontier. In *Caspian Region: politics, economics, culture*. No 4 (33), Pp. 233-240.

ВИНО НА ОСТРОВЕ ТАЙФУНОВ: КУЛЬТУРА ВИНА И ВИНОПИТИЯ ЮЖНОКИТАЙСКОГО ФРОНТИРА

Саракаева Э.А.

Саракаева Элина Алиевна, Хайнаньский государственный университет, КНР, 570228, провинция Хайнань, город Хайкоу, район Мэйлань, остров Хайдяньдао, ул. Народный Проспект. Эл. почта: 2689655292@qq.com

В статье рассматривается культура виноделия и винопития аборигенного населения Хайнаньских островов – самой южной провинции Китая. В своем анализе автор исходит из того что китайская культура вина сложилась в результате кросс-культурного взаимодействия представителей разных национальностей на протяжении многовековой китайской истории. Народность ли - автохтонное население южнокитайской провинции Хайнань, а также другие этнические группы острова, относимые к «национальным меньшинствам» внесли, как мы полагаем, определенный вклад в развитие китайской культуры вина.

Для этнических групп, которые в течение многих столетий населяли Хайнань, вино являлось важнейшей составляющей частью их культуры – как профанной, где вино было естественным элементом ежедневных трапез и частных и общественных праздников, так и сакральной культуры, где вино использовалось в ритуалах и религиозных церемониях. Духовная жизнь и этническое самосознание народов ли, мяо, и, туцзя и других этнических групп Хайнани были тесно связаны с культурой винопития и виноделия. В статье приводятся краткие сведения о технологии винокурения, рецептах изготовления вина и церемониях его распития на острове Хайнань.

Этнические меньшинства провинции Хайнань сохраняют до нынешних дней старинные технологии винокурения, основанные на природных условиях и ресурсах тропического острова и уникальные традиции распития алкогольных напитков. Эти традиции винопития позволяют судить о базовых ценностях островитян – таких как дружба, поддержание социальных связей и почитание стариков и предков.

Ключевые слова: вино, винокурение, Хайнаньские острова, народность ли, народность мяо, рисовое вино, медицинские вина.

Библиографический список

- 陈士铎 (编者) (2008) *本草新编*. 北京: 中国中医药出版社.
- (Чэнь Шидуо (редактор). *Книга о целебных травах в новой редакции*. Пекин: Издательский Дом китайской медицины и китайских лекарственных средств.
- 陈小双 (2014) 浅谈土家族的酒文化. *清年与社会* Vol. 572 N. 26, Pp.331-332. 武汉: 中南民族大学出版社, 2014 (Чэнь Сяошуан. Культура вина народности туцзя. *Молодежь и общество*. Том 572 № 26. Сс. 331-332. Ухань: издательство Южнокитайского Народного университета).
- 韩立收 (2012). *查禁与除禁: 黎族“禁”习惯法*. 上海: 上海大学出版社. (Хань Лишоу. *Наложение и снятие запретов: «запреты» в обычном праве народности ли*. Шанхай: издательство Шанхайского университета)

李志云 (2016)。三亚市黎族民间故事汇编。三亚：三亚市群众艺术馆 / 三亚市非物质文化遗产保护中心。(Ли Чжиюнь. *Сборник фольклора народности ли из города Санья*. Санья: Музей народного искусства города Санья / Центр охраны нематериального культурного наследия города Санья)

潘正云 (1999)。凉山彝族酒文化探析。西南名族学院报。哲学社会科学学版。Vol.20 (Aug.1999), Pp. 3-6. (Пань Чженюнь. Исследование культуры вина народности и Ляньшань-Ийского автономного округа. Вестник малых народов Юго-Запада. Выпуск посвященный философии и социологии. № 20 (август 199 г.). Сс. 3-6).

仁青卓玛 (2008) 浅析苗族酒文化。酿酒 Vol.38 (Sep. 2008), Pp. 112-113.(Женьцин Чжуома. Краткий анализ культуры виноделия народности мяо. Виноделие № 38 (Сентябрь 2008), Сс. 112-113)

亚根 (2014)。黎族。北京：中国人口出版社 (Я Ген. *Народность ли*. Пекин: Издательство Голос народа)

Саракаева Э.А., Саракаева А.А. Самопрезентация правителей в условиях фронтирного взаимодействия культур в южном Китае V в. до н.э. *Журнал фронтирных исследований* № 2 (2016-08-21). Retrieved from <http://frontierstudies.com>

Сун Цзе, Якушенков С.Н. (2015). Культурная безопасность и факторы развития национальной алиментарной культуры. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. №4 (45). С. 247-253

Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. (2012) Тело варвара: конструирование образа чужого на китайском фронтире. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2012. №4 (33), Стр. 233-240.

Basic Prescriptions of Chinese Medicine of China (1988), vol. 1. Hunan, 1988.

Peng Minsheng, He Jundong, Liu Haiixin, Zhang Yaping. (2011) Tracing the legacy of the early Hainan Islanders - a perspective from mitochondrial DNA. *Evolutionary Biology* N. 11 (46) 15th February 2011. Стр. 115-140. BioMed Central LTD.

Schein Louisa (1986).The Miao in contemporary China. In *The Hmong in transition*. Edited by Hendricks, G. L., Downing, B. T., & Deinard, A. S. Staten Island: Center for migration studies. Pp. 73-85.

Xia Xunli. History of Chinese Medical Wine. *The Chinese Journal of Integrated Traditional and Western Medicine Press and Springer*. Verlag Berlin Heidelberg 2011, Pp. 549-555.

Приложение

Picture 1

Иллюстрация 1

Traditional equipment for wine brewing

Традиционные инструменты для изготовления вина

Picture 2

Иллюстрация 2

Traditional equipment for wine preserving
Традиционные сосуды для хранения вина

Picture 3

Иллюстрация 3

Miao girls in traditional clothes standing by wine jugs

Девушки мяо в национальных костюмах, рядом высокие сосуды для хранения вина

Picture 4

Иллюстрация 4

“Wine greeting” ceremony,

a guest of honour is treated to wine by two girls sitting on his lap

Церемония «приветствия вина»,

почетного гостя угощают вином девушки, сидя у него на коленях

Picture 5

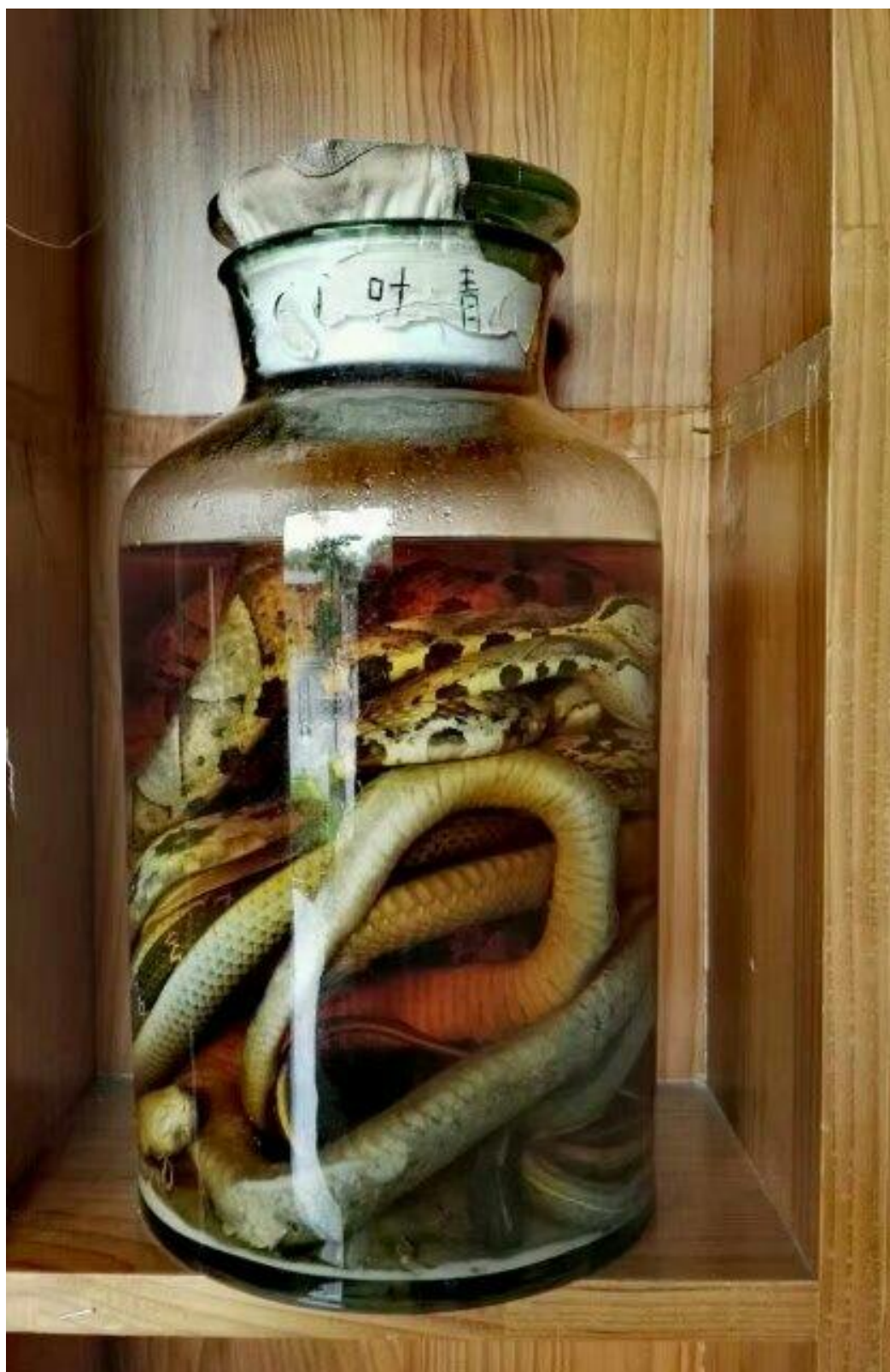
Иллюстрация 5

“Wine celebrating” dance,

guests of honour are offered wine from a bamboo stem

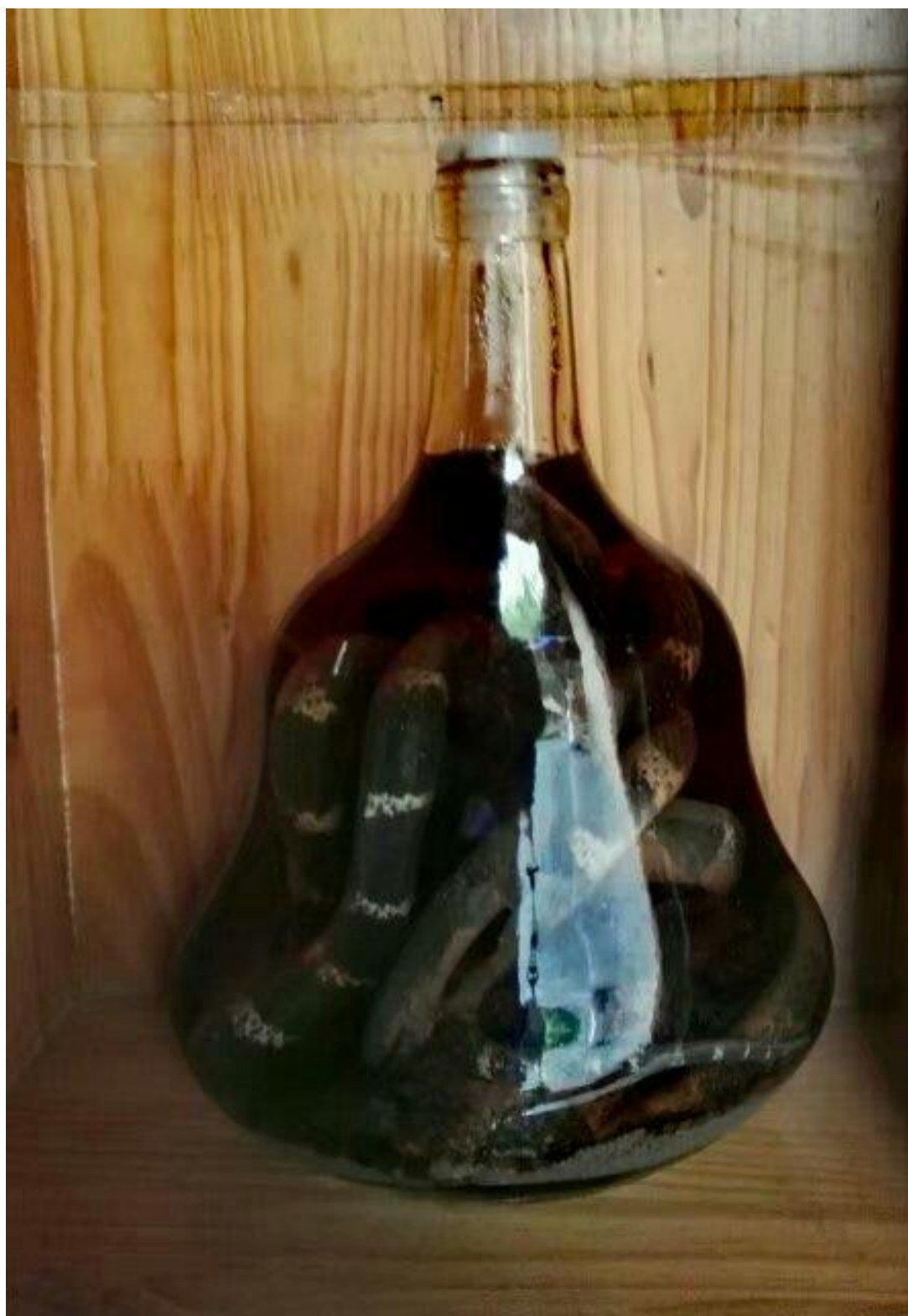
Танец «поздравления вином»,

почетных гостей угощают вином из полого бамбукового стебля

Picture 6

Иллюстрация 6
Five snakes wine
Вино из пяти змей

Picture 7

Иллюстрация 7

Miao snake wine

Вино из змеи народности мяо

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№1 (5)

2017

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№1 (5)

2017